

Сыщица по амурным делам

Автор:

Мария Жукова-Гладкова

Сыщица по амурным делам

Мария Жукова-Гладкова

Бизнес-леди #1

Порой наследство приносит одни хлопоты и неприятности. Тем более грустно получать его после того, как в результате хитроумного покушения погиб приятель... Светлане, владелице известного в Питере турбюро, приходится распутывать одну загадку за другой. Кто убил ее друга Стаса Тарасова? Почему он оставил ей десять процентов акций своего предприятия «Нева-металл», ведь Светлана ничего не понимает в этом бизнесе? А тем временем прочие наследники Тарасова погибают один за другим...

Мария Жукова-Гладкова

Сыщица по амурным делам

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными, а сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Глава 1

16 марта 200... года, вторник, вечер

Я сидела одна в своей уютной вместительной кухне и тупо смотрела в граненый стакан. Бутылка водки была опорожнена уже наполовину, но я никак не могла опьянеть, хотя почти не закусывала. Именно так всегда и получается: хочешь напиться – и никак, а когда нужно остаться трезвой, тебя развозит. Я хотела забыться...

Костя, брат, который занимается моим домашним хозяйством, смотрел телевизор у себя в комнате, а четырнадцатилетний сын Сашок шлялся по Интернету или устроил компьютерное игрище – точно сказать не могу. Главное, что мне не мешали: мои родственники всегда знают, когда ко мне можно сунуться с вопросом, а когда лучше не попадаться на глаза – а то, не дай бог, сяду на метлу и взлечу к потолку. Последствия непредсказуемы.

Пару часов назад позвонила моя давняя подруга Верка, ночная бабочка во всех смыслах этого выражения, и сообщила, что Тарасова убили. Всегда найдется какой-нибудь доброжелатель, чтобы донести подобную новость до тех, кого она выбьет из седла. Верка, правда, не хотела сделать мне гадость (я надеюсь), хотя бы потому, что подруг у нее, кроме меня, нет вообще. Она просто констатировала факт, совершенно обоснованно предполагая, что я все равно об этом узнаю, раньше или позже. Верка решила, что меня следует уведомить раньше и не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня: подружка была в курсе, что Стас Тарасов всегда пользовался услугами моей турфирмы, и не исключала, что он вновь заказал какой-то тур, не успев пока его оплатить. В таком случае мне следовало быстро аннулировать бронь.

– Допрыгался Стасик, – заявила подруга. – Взорвали его в собственной машине. По радио только что передали. Включай телевизор, наверное, покажут. А я поехала на промысел. Завтра созвонимся.

Я включила питерский канал и выяснила, что крохотное взрывное устройство не приклеили к днищу машины, как это часто делают. Оставшийся инкогнито киллер оказался даже в некотором роде гуманистом: и водитель, и компаньон Тарасова Вениамин Багловский, находившиеся вместе с ним в автомобиле, остались живы.

По предварительной версии следствия, взрывное устройство, созданное неизвестным талантом, прикрепили к пальто Тарасова, между тканью и теплой подстежкой. Оно гарантировало смерть предполагаемой жертвы и

одновременно сохранение жизней тех, кто по несчастливой случайности окажется поблизости. Правда, компаньона, как передали в программе, отправили в больницу с сердечным приступом, но это уже издержки. Побочный эффект, так сказать.

Я не стала слушать дальше, да и другие сюжеты меня несколько не интересовали, хотя они вполне могли оказаться посвящены моим знакомым или клиентам моей турфирмы, согревающим кости под тропическим солнцем после холодных острогов. Достав из холодильника початую бутылку «Синопской», я решила в одиночестве помянуть Стаса. Сын и брат мне в этом не товарищи (от Кости бутылки вообще лучше держать подальше), у Верки – «ночная смена».

Мы со Стасом познакомились лет семь-восемь тому назад, когда он впервые пришел в мою турфирму. Все последующие годы Тарасов, желая отбыть куда-нибудь за рубеж, обращался только ко мне. Во-первых, потому, что я гарантирую хороший сервис, во-вторых, потому, что умею молчать. Возможно, я расположила причины не в том порядке, но, по-моему, они одинаково важны.

В каждый тур Тарасов ездил с новой пассией. О покойном Стасе я вообще могу сказать, что он вел обычную для современного бизнесмена половую жизнь: днем – секретарша, вечером – любовница, ночью – жена.

Но если любовниц ходок Тарасов регулярно менял, то со своей законной спутницей жизни, Аллой Сергеевной, уже справил серебряную свадьбу. Правда, от такой Аллы Сергеевны не очень-то и убежишь, в смысле навсегда. Держалась она за Тарасова крепко и регулярно возвращала его в лоно семьи.

Мне иногда даже казалось, что эта семейка просто играет. Тарасов заводит новую пассию и прикидывает: сколько времени удастся продержаться девчонке до того, как жена пронюхает о ее существовании? Алла Сергеевна, в свою очередь, не дремлет и регулярно выслеживает неисповедимые пути собственного мужа. Если его путь пересекается с дорожкой какой-нибудь симпатичной молоденькой куколочки – законная супруга тут как тут. Ногти у нее всегда в состоянии боевой готовности.

Меня она в свое время тоже заподозрила в порочной связи с ее сокровищем – и устроила дебош прямо в офисе. Такого у нас не случилось ни до, ни после. Тарасов, правда, компенсировал мне ущерб – и мой кабинет сделался еще

краше. Так что худа без добра не бывает. Более того, Стас также стал рекомендовать мою турфирму всем своим приятелям: я его Алле Сергеевне не «сдала».

Стас продолжал возить своих подружек за границу с моей помощью. Алла Сергеевна, в дальнейшем даже извинившаяся передо мною (единственный случай в ее буйной практике, как сообщил Тарасов), сама пару раз обращалась ко мне и даже попробовала завести дружбу, от которой я умело увернулась. Не надо мне таких «подруг»! Мой клиент – Тарасов, а Алла существует на его деньги, поэтому я решила, что должна учитывать интересы ценного постоянного покупателя, а он не желал сообщать жене о целях своих поездок и о составе группы.

Кроме Тарасова, у меня имелось еще несколько подобных клиентов (вернее, с подобными супругами, правда, Алла Сергеевна могла любой из них дать фору в плане дебошей), так что я вскоре разработала свое ноу-хау по выгораживанию кобелящихся мужей перед их женами. Для этой цели я подключила одного талантливого фотографа, за определенную сумму монтировавшего любые снимки. Муж, отправляющийся на курорт с любовницей, предоставлял свои фотографии в деловом костюме, я давала снимки достопримечательностей тех мест, куда он отправлялся (или же просто брался какой-то конференц-зал), фотограф монтировал групповой снимок, а также снимки «героя» с деловыми людьми мужского пола. Женам все это подавалось под соусом бизнес-семинара, бизнес-круиза, конференции, симпозиума и прочих подобных мероприятий. Фотографии подтверждали правдивость слов мужа.

Прокол случился лишь однажды, прошлой осенью – опять же с Аллой Сергеевной. Но с ее нюхом это неудивительно. Она понеслась на Кипр вслед за своим сокровищем, проводившим там симпозиум с симпатичной инструкторшей по аэробике из одного спорткомплекса, куда ходили и Стас, и Алла Сергеевна. Там вообще престижно сгонять жиры, и многие мои клиенты жалуют своим присутствием этот центр. За немалые бабки, естественно. Месяц занятий там равняется годовой зарплате учителя средней школы. Я, признаться, тоже там отметилась пару раз, но потом решила, что мне жиры сгонять не надо, я и так не поправляюсь – с моей безумной работой и многочисленными авантюрами, в которые волею судьбы регулярно влипаю. Если уж ходить куда-то, то в тир или на курсы выживания в экстремальных условиях. Мало ли куда судьба меня еще закинет? Хотя... И киллеры в меня стреляли, и чеченцы в плен брали, и машину мою взрывали, но я осталась целехонька, если не считать синяков и царапин,

которые уже давно зажили. В общем, я считала, что выберусь из любых передряг.

А вот Стасу не повезло...

И куда только смотрела Алла Сергеевна?

Но пока доскажу лав стори с инструкторшей по аэробике, выслеженной законной женой на Кипре. В общем, мадам Тарасова разгромила номер в отеле. Никто из лично знакомых с Аллой Сергеевной особо не удивился, только киприоты слали мне письма по электронной почте с описанием причиненного Аллой Сергеевной ущерба. С киприотами разобрался Тарасов. Инструкторша по аэробике попала в больницу, а Алла Сергеевна примчалась в мою фирму, правда, второй дебош у меня она учинять не решилась: я встретила ее с кочергой в одной руке (у меня камин в офисе) и глобусом – в другой. Мы немного друг на друга поорали, она обвинила меня в содержании своднической конторы, я заявила ей, что в мои функции не входит слежение за моральным обликом моих клиентов, а Алла Сергеевна сама виновата, что мужа должным образом не проконтролировала.

Не разрушив и не повредив ничего из моего имущества, Алла Сергеевна ретировалась, – не исключаю, что впервые в жизни, вероятно, вначале прикинув, во сколько Стасу обойдется очередное восстановление моего офиса. Возможно, госпожа Тарасова поняла, что это будет накладно – после восстановления гостиницы на Кипре. Правда, я тешила себя мыслями, что это мой грозный облик остановил Аллу Сергеевну и умерил ее праведный гнев.

Но что-то будет с ней теперь? И с ее сыном?

Сыну Тарасова и Аллы было уже шестнадцать.

У Стаса был еще один отпрыск от другой женщины. Братья появились на свет с разницей в три месяца. Алла Сергеевна долго не могла родить, а Тарасов не терял времени зря. Он любил обоих сыновей и старался, чтобы незаконнорожденный (Рома) не был ничем обделен – и, по-моему, уделял ему даже больше внимания, чем Славику, сыну Аллы. По всей вероятности, Стас чувствовал себя виноватым перед Ромой. Обо всех сложностях отношений Стаса с детьми я знала: он делился со мной своими проблемами и спрашивал мое

мнение. Я искренне старалась помочь ему разобраться. Могу с уверенностью сказать: я была ему другом. Я многое знала о его жизни и смотрела на происходящее с женской точки зрения, которую Стасу тоже иногда хотелось выслушать. Да ведь и со стороны лучше видно...

Неделю назад Стас приехал ко мне в офис и предложил вместе пообедать. Я дала своим девочкам задания и отправилась вместе с Тарасовым в один уютный ресторанчик в старой части Питера. Мы заняли кабинку и просидели часа три. Стас рассказывал мне о достижениях женушки.

Алла Сергеевна за годы своего замужества совершила немало подвигов, подобных концерту в моей фирме или дебошу в кипрской гостинице. Тарасов сказал, что я должна радоваться и благодарить судьбу за то, что его супруга не разгромила мою квартиру, не изувечила меня (меня, пожалуй, изувечишь!) и моих родных (на сына Сашку я вполне могу положиться, вот с братцем дело обстоит гораздо хуже). Аллочка, по выражению законного мужа, могла пройтись арматурным прутом по моей машине, устроить пожар в офисе и моей квартире, а также по камушку разнести все здание, в котором располагается моя турфирма.

– И ты выплачивал компенсацию за все ее художества? – уточнила я у Стаса, не совсем его понимая.

Чем же она его держит? Другой мужик давно дал бы дурной бабе кулаком в глаз, спустил ее с лестницы, утопил в озере или просто отправил в психушку. С деньгами Стаса это, по-моему, не представляло труда. Уж как-то он мог бы отделаться от Алочки, если бы по-настоящему захотел? Или Стас – в некотором роде – второй Костя, мой старший братец, сидящий дома и способный только вести домашнее хозяйство? И бизнесом стоило заняться Алле, а Стасу – обеспечивать домашний уют? У моего братца последнее получается очень даже неплохо, а вот о первом он даже думать не хочет. Бизнес ему может привидеться только в кошмарном сне.

– Выплачивал, – кивнул Стас и сообщил, что Алла Сергеевна за годы их совместной жизни не только с его любовницами расправлялась.

– А еще с кем? – в удивлении спросила я.

– С должниками. Почтище всякой «крыши» долги выбивала.

Я изобразила на лице знак вопроса. Стас усмехнулся и поведал мне о подвигах Аллы Сергеевны, которые до сих пор оставались для меня тайной. Правда, в нашем городе о них было хорошо известно – в основном партнерам Тарасова, точно знавшим, что их ждет в случае задержки платежей или поставок или невыполнения каких-то обязательств. Тайфун в виде Аллы Сергеевны, по сравнению с которым природные катаклизмы можно назвать легким морским бризом. Связываться с ней никто не хотел. Один партнер даже заявил Тарасову по пьянке, что предпочел бы столкнуться с десятком братков, только не с разъяренной Аллой Сергеевной.

«Интересно, а обо мне кто-то так когда-нибудь скажет?» – грустно подумала я. Подобную характеристику я считала высокой оценкой заслуг на ниве бизнеса.

Тарасов тем временем подробно рассказывал мне о подвигах своей красотки, поясняя по ходу, почему терпел все ее выходки: они были частью ее имиджа. Истории становились достоянием общественности (к чему прилагали усилия супруги Тарасовы), рейтинг Аллы Сергеевны повышался. Кстати, внешне Алла Сергеевна была хрупкой и невысокой, к тому же имела кукольное личико. Первое впечатление – полная дура, и только потом понимаешь, что скрывается за этой маской, но никогда не сможешь предугадать заранее, какую хитрую игру она задумала.

После того как Стас мне все это объяснил, я поняла, почему ему не хотелось разводиться с Аллой Сергеевной. Но зачем он пригласил меня пообедать? Что он хотел мне сказать?

Вскоре все встало на свои места.

Стас просил меня позаботиться о его незаконнорожденном сыне Романе, если с ним самим что-то случится.

– У тебя появились опасения за свою жизнь? – с беспокойством посмотрела я на Стаса.

– Да нет, Лана. Ну, ничего такого... Конечно, все мы под Богом ходим, да и современный бизнес, сама знаешь, не способствует долголетию, – Тарасов грустно улыбнулся. – Просто как-то... Возраст, наверное.

Стасу было сорок три.

Оказалось, что он утром составил завещание, о его содержании он мне не сказал ни слова, только просил проследить, чтобы его любимый сын Рома не был обделен и получил все, что хотел Стас.

- Ты ему многое отписал? - все-таки уточнила я.

Стас кивнул, сказал, что оставил бы ему и больше, но тогда Алла Сергеевна точно ринется в бой, сметая на своем пути всех и вся, а так - есть надежда, что Рома получит то, что ему завещал отец. Стас взял с меня слово, что я помогу в этом мальчику и - в случае возникновения любого конфликта - возьму его сторону, а не Аллы Сергеевны и не Славы, сына Тарасова и Аллы. Я слово дала, не думая, что у меня в связи с этим возникнут какие-то особые проблемы.

Я еще попыталась Стаса - в плане угроз в его адрес и его опасений за свою жизнь, но он только отшучивался и говорил, что беспокоиться не о чем.

Но чего-то ведь он опасался? Кто отправил его к праотцам? Это как-то связано с его бизнесом, о котором я практически ничего не знаю?

А вдруг он все-таки решился уйти от Аллы Сергеевны? Вдруг нашлась девчонка, способная увести его от законной жены? И он все-таки смог сказать Алле, что уходит? Ведь он опять собирался поехать отдохнуть с той инструкторшей по аэробике... Причем хотел взять с собой и Рому. Как раз во время последней встречи в ресторане он просил подобрать им троим какой-нибудь тур туда, где сам Тарасов еще не был, но чтобы лететь не через пол земного шара. А в феврале он с ней же летал в Таиланд... Предыдущие девочки, насколько я помнила, так долго не задерживались.

Как правило, тарасовских подружек я видела только на паспортных фотографиях: они в мой офис не приходили, появлялся только Стас с их документами. Но ведь и имея только паспортные данные можно многое выяснить. С моими-то связями... Завтра в офисе посмотрю, как зовут последнюю подружку, а потом наведу о ней справки.

Значит, возможны две причины его смерти: бизнес и уход к другой женщине. Ведь если Алла Сергеевна поняла, что на этот раз Тарасов собрался покинуть ее

навсегда...

По телевизору про убийцу ничего не сказали, да ведь и на взрывном устройстве киллер свой автограф явно не оставил. Кто он? Тот, кому смерть Стаса была выгодна. Кому же она была необходима? И кто имел доступ к его пальто, к которому и прикрепили это самое взрывное устройство?

Тарасов просил меня позаботиться о Роме, но я не могу не попытаться выяснить, кто убил самого Стаса. Милиция – это, конечно, прекрасно, но я привыкла в жизни рассчитывать только на себя. Я отодвинула водку в сторону. Хватит пить. Тарасова я помянула. Жалко его, конечно, но жизнь продолжается, и мне нужно действовать.

В это мгновение раздался долгий звонок в дверь.

Я взглянула на часы: начало первого. Кого еще принесло?

– Ланочка, открывать? – просунулась в кухню голова братца.

– Вместе пойдем, – ответила я.

Я встала, поняла, что все-таки водка ударила мне в голову (вот теперь мне не надо, а она подействовала), и нетвердым шагом направилась к входной двери. Костя семенил следом. Сашок, пожалуй, уже заснул. Ему к девяти в школу, и он там не хозяин, как я в своей турфирме.

Я посмотрела в глазок, но ничего не увидела, так как лампочку у нас в очередной раз свинтили. Не исключено, что какие-нибудь дружки моего братца – из тех, с которыми место встречи у пивного ларька изменить нельзя.

– Кто там? – спросила я.

– Это я, Алла, – ответили с другой стороны.

– Алла Сергеевна?! – поразила я.

– Да, Лана, открой, пожалуйста.

Дверь я распахнула, руки в боки вперила и пьяно спросила:

- В рожу пришла мне впиваться, по национальной традиции?

Костя, стоявший рядом со мной, подобрался. Интересно, он как, между нами бросится, если мы сейчас устроим бои без правил?

Алла Сергеевна посмотрела на меня удивленно и ответила тихим голосом, который я после личного знакомства и всего, что о ней знала, никак не ожидала услышать:

- Нам нечего делить, Лана. Но у нас общее горе: я любила Стаса, он был твоим другом. А мне... не с кем выпить. Подруг у меня нет.

Я отступила в сторону, давая ей пройти. Алла Сергеевна скинула норковую шубу, повесила ее рядом с моей и уточнила:

- Где квашишь-то?

Я показала путь в кухню, а Косте велела укладываться, хотя ему тоже страшно хотелось выпить.

- А кто завтра утром меня разбудит? - посмотрела я на братца. - На выходных нажрешься. Верку приглашу.

При упоминании моей подружки, на которую Костя уже много лет имеет виды, питая бесплодные надежды, братец вздохнул, кивнул, попросил хотя бы пива, я выдала ему бутылочку «Невского» из холодильника, и он опять отправился к телевизору.

- У нас «Жириновский» будет третьим, - сказала гостя, выставляя на стол водку, когда за Костей закрылась дверь. - Давай и мне стакан. Помянем Стаса!

17 марта, среда

В ту ночь мы напились до поросычьего визга, стали лучшими подругами и вместе завалились спать на мою двуспальную кровать. Утром я проснулась с таким ощущением, словно Владимир Вольфович у меня в желудке лично толкнул речь. Алла сказала, что в ее желудке также трепались Зюганов с Горбачевым, причем говорили долго и упорно. В общем, достойно они выступили у меня в квартире, и мы обе некоторое время поминали «Жириновского» в обнимку с унитазом. В зеркало смотреть не хотелось, потому что мне было достаточно и внешнего вида Аллы, которую до этого я видела только уложенной и ухоженной – даже во время дебоша у меня в турфирме.

Опохмеляться желания не было, я вообще не представляю, как люди утром после пьянки могут смотреть на алкоголь. Мы выпили немного молочка, поданного Костей, потом съели по яичку всмятку, сваренных Костей, выпили крепчайшего кофе, заваренного Костей, и стали думать, что нам делать дальше. Костя суетился у плиты, иногда встревая с комментариями.

Если вчера у меня еще и появлялись мысли о причастности Аллы Сергеевны к покушению на Тарасова, то теперь я уже не считала ее убийцей мужа.

– Он составил завещание где-то с неделю назад, – повторила она мне то, что говорила вчера в пьяном ступоре (я не сообщила ей, что уже в курсе). – Я не знаю его содержания. То есть всего содержания. Но часть – и немалая! – оставлена второму сыну. Это я тебе точно говорю. Сука!

Кто именно был назван последним словом, я так и не поняла, хотя оно могло относиться и к Тарасову, и к его незаконнорожденному ребенку, и к маме ребенка, и к нотариусу.

Кстати, откуда Алле все-таки известно о том, что Рома не забыт? Или это Тарасов ей заявил? Вполне мог, по-моему. Во время очередной ссоры, например. Надо будет спросить у нее, но чуть позже.

А пока я поинтересовалась, как Алла Сергеевна – с ее способностями к устранению конкуренток и детективной работе вообще – допустила рождение того ребенка.

– Я на сохранении чуть ли не девять месяцев валялась. Ну, этот гад и вышел из-под контроля. Ой, о мертвых нельзя так... Эта сука его окрутила, пока я не могла оказать ей должного сопротивления. Пришлось выбирать: или опять не выношу (я ведь десять лет не могла родить), или допущу наличие любовницы. А мне страшно ребенка хотелось.

Через три месяца после рождения Славы на свет появился его брат.

– Ты в курсе, что Тарасов с ним встречался?

– В курсе, – процедила сквозь зубы Алла.

Алла знала, что второй сын, Рома, оказался любимцем Стаса. Во-первых, он был здорово на него похож, к тому же очень рано заинтересовался бизнесом и часто бывал на заводе у отца. Рома не только выглядел старше своих лет, но и вел себя не по возрасту, вникая в тонкости производства. Наверное, это и объединяло их с отцом. Славу же завод совершенно не интересовал, как и компьютер, в котором Рома разбирался прекрасно. Слава в пять лет пошел в большой теннис (вернее, его туда отдала мать) и увлекся этой игрой.

– А Слава знает о брате?

Алла покачала головой, пояснив, что прилагала все усилия, чтобы скрыть это от собственного сына. Тарасов вначале хотел их познакомить и постоянно возвращался к больной для жены теме, но Алла Сергеевна твердо стояла на своем, требуя, чтобы эта информация дошла до Славы не раньше чем в двадцатипятилетнем возрасте, причем если к тому времени у него уже будет своя семья. Алла Сергеевна лучше других знала, как Слава борется за внимание отца и как ему его недостает, то есть теперь уже надо говорить в прошедшем времени.

Алла Сергеевна так активно пыталась вернуть Тарасова в семью, извлекая его из чужих постелей, еще и потому (а в последнее время главным образом поэтому), что страдал ее любимый Слава. Отец был то на работе, то в банях с друзьями, то с подругами, то со своим вторым сыном, на которого у него всегда оставалось время. На Славу же он часто огрызался, когда тот хотел с ним о чем-то поговорить вечером: «я устал, давай завтра», ну и так далее. Тарасов мог не выполнить данное Славе обещание, но всегда выполнял данные Роме. Несколько

раз он заявлял Алле, что не может присутствовать там-то и там-то или вернуться во столько-то, так как договорился о встрече с Ромой. Встреча с Ромой оказывалась важнее финального теннисного матча на турнире, где играл Слава. Алла не сомневалась, что ее сын проиграл тот матч только потому, что его отец не пришел за него болеть. Отец мог поехать отдыхать с Ромой, но никогда не ездил вдвоем со Славой. Алла очень страдала из-за этого, но ничего не могла поделать.

– А его мать – в смысле Ромина – предпринимала какие-нибудь шаги, чтобы захомутать Тарасова?

Алла покачала головой и пояснила, что Райка – богемная художница, на которую Тарасову давно плевать. Он увлекся ею в молодости, когда она показалась ему нестандартной и отличной от всех женщин его круга, но ее пьянки ему быстро надоели. Не исключено, что он так много времени проводил с Ромой, потому что мать сыном практически не занималась.

– Он даже хотел взять его к нам, – вздохнула Алла. – Но тут уже я легла костью поперек порога. Сказала: только через мой труп! Поэтому и не препятствовала их встречам. По-моему, даже было бы лучше, если бы у Ромки мать была нормальная. Тогда я бы с ней разобралась по-своему... – Алла улыбнулась улыбкой кобры. – А этой все по фигу. Ну абсолютно все! Я же, как отошла после родов и кормить перестала, с ней быстренько познакомилась, как ты догадываешься.

Алла усмехнулась. А я догадывалась.

Шестнадцать лет тому назад одна молодая мамаша приехала к другой. Но у второй уже имелся сожитель, а сама она пребывала в пьяном ступоре. Ребенком даже больше занимался сожитель, пожелавший его усыновить, но Тарасов не позволил ему этого сделать.

Рома очень рано научился себя обслуживать: мог приготовить нехитрую еду, постирать свои вещи, что-то починить. Он рано стал подрабатывать мойкой машин, хотя отец и давал ему деньги, причем готов был давать в любом количестве.

– Так что там с завещанием? Откуда ты смогла выяснить про Рому? – задала я волновавший меня вопрос. – Ты еще что-то знаешь?

– Я выяснила только, что часть денег оставлена Ромке. Столько, что ему хватит на все, чего его душенька пожелает.

– Откуда ты это узнала?! – не могла больше сдерживаться я. – Это тебе Тарасов сказал?

Алла со своим опытом частного детектива прикрепила к одежде Тарасова крохотный микрофончик и переставляла его с одной одежды на другую: ведь именно она ведала тем, что носит муж. Когда у нее была возможность (а главное, интерес), она следовала за мужем на своей машине и, сидя на некотором удалении от объекта, слушала его разговоры.

– И меня?.. – уточнила я.

– Ну а как же? – воскликнула гостья. – Я же должна была быть в курсе, куда и с кем едет Тарасов! И ведь согласись: я появлялась как раз вовремя. И если бы Стас с Ромкой и этой последней бабой все-таки собрались на отдых, я бы им устроила... Мало ей, значит, оказалось одной больницы.

Алла блаженно улыбнулась. Тут встрял Костя, пожелавший узнать, как наша гостья могла бы их остановить. Еще одну гостиницу разгромить (Костя уже был в курсе), на крыле самолета повиснуть, аэропорт поджечь?

– Я еще не придумала, – честно призналась Алла. – Но время-то оставалось. Скорее всего, конечно, я бы здесь с этой сукой разобралась. В тот момент, когда Тарасов начал бы подумывать о совместной жизни с ней. Я этот момент всегда чувствовала. А у Тарасова – возраст. Седина в бороду. Он об этой суке, кстати, Ромке рассказал, тот и предложил им втроем съездить отдохнуть на Ромкиных каникулах, Тарасов радостно согласился, хотя только что в Таиланд с этой дрянью летал. Раньше-то он каждый месяц по курортам не шлялся. Работать ведь надо все-таки.

– Рома его поддержал? – тихо спросила я. – В плане той женщины?

– Конечно! А ты как думала? Ромка трезво смотрит на жизнь. Он прекрасно понимает, что к его матери отец не вернется ни при каких условиях. Но меня он ненавидит всеми фибрами души. Любая женщина лучше, чем я. А тут мне такой щелчок по носу.

Рома всегда поддерживал походы отца налево. По мнению Аллы Сергеевны, Роме было наплевать на чувства отца, главным было сделать гадость законной жене родителя – за то, что тот никогда не женился на его матери.

– То есть Тарасов сказал Роме, что оставил ему крупную сумму денег? – уточнила я.

Алла Сергеевна кивнула.

– И ты считаешь, что его сын?..

– Я не исключаю такого варианта, Лана, – вздохнула гостья.

– М-да, – протянула я, глубоко задумавшись. Отцеубийство, если это, конечно, оно? Пока отец не изменил условия завещания? Но откуда Рома мог взять взрывное устройство? И как мне себя вести в таком случае?

Я спросила, что за хитрая штука оказалась прикрепленной к подстежке пальто Тарасова. Я представляла взрывные устройства другими – не только судя по фильмам о Великой Отечественной войне, которые мне доводилось смотреть. Однажды к моей-то машине тоже какую-то радиоуправляемую гадость прикрепили. Но тогда рвануло так, что у меня заложило уши, и я на мгновение ослепла, а куски машины потом нашли в пятидесяти метрах от места взрыва. И если бы я оказалась внутри в момент срабатывания устройства, от меня не осталось бы ни рожек, ни ножек. Тут же и машина на ходу, и компаньон с водителем живы.

Гостья с умным видом пояснила, что, во-первых, в наше время в нашем славном городе на Неве можно купить что угодно – были бы деньги. Выяснить место, где это добро продается, тоже не проблема. Эх, знала бы она, что мне уже доводилось покупать и что хранится в моей квартире... А если бы ей еще и гранатомет показать из Веркиного гаража... Интересно было бы взглянуть на физиономию Аллы Сергеевны! Но я не имею дурной привычки давать людям

лишнюю информацию. Костя тоже молчал, словно воды в рот набрал, только украдкой показал мне глазами на холодильник. Я надеялась, что Алла Сергеевна туда носа не сунет: у нас в нижнем ящике (для фруктов) хранятся тяжеленькие «лимончики», при обнаружении которых все видевший Лешка Афганец, мой любимый мужчина, чуть не лишился чувств. Правда, потом он объяснил мне, чем наступательная граната отличается от оборонительной.

– Ты прикинь, Лана, если бы тебе потребовалось кого-то взорвать, – продолжала разглагольствовать Алла Сергеевна. – Ну очень надо было бы! И бабки у тебя имелись бы, специально отложенные... ну, например, на новую машину. Есть деньги, есть желание. Ты нашла бы, у кого спросить, где взять взрывное устройство, пистолет и что-то еще из этого ряда?

Костя больше сдерживаться не мог и, чтобы не сорваться, кухню покинул, многозначительно на меня посмотрев. Я же кивнула с невинным видом. Есть у меня знакомый оружейник Андрюша... То есть, скорее, знакомый моей подружки Верки. Может, попросить ее с ним проконсультироваться насчет взрывного устройства?

Кстати, а Тарасов с моим любимым мужчиной, Лешкой Афганцем (он же – бизнесмен Алексей Петрович Карташов) были знакомы? Не перешел ли Стас дорогу тому, с кем лучше не встречаться темной ночью, да и светлым днем тоже? В особенности если хочешь дожить до старости, причем с целыми руками и ногами, а главное – с неоторванной головой.

«А если поговорить с Афганцем?» – прикидывала я. Ну не прибьет же он меня за простой вопрос? Хотя от Лешки всего ожидать можно, в особенности если я опять суну свой любопытный нос куда не следует.

«А ведь мне, пожалуй, хочется встретиться с Лешкой», – внезапно подумала я. Из всех моих мужиков он произвел на меня самое сильное впечатление, оставив глубокий след в душе. Я вспомнила его руки, губы... В отличие от моего слабовольного братца и двух бывших мужей, Афганец обладал недюжинной внутренней силой, и в нем имелся стержень, который не согнули никакие жизненные передряги.

– Во-вторых, – невозмутимо продолжала Алла Сергеевна, – наука и техника все время идут вперед. Оружие совершенствуется. В-третьих, Россия всегда

славилась своими талантами. Взрывное устройство, кстати, скорее всего, самодельное. Кто-то из отечественных умельцев постарался. Ты же знаешь, Лана, как русский мужик блоху подковал? Вот и тут тоже... Мне вчера мент сказал. Они просто обалдели – ведь бригаду на место пригласили, в ее составе то ли сапер был, то ли минер, то ли еще кто-то из подобных специалистов. Я не знаю, как они называются. Они машину хотели проверить – нет ли в ней еще какой-то гадости? Но нашли только остатки этой штуковины, от которой погиб Стас. Какой-то там специальный анализ проводить собираются. Но мне до результатов дела нет.

– Зря, – заметила я.

Алла Сергеевна вылупилась на меня большими круглыми глазами, а я пояснила свою мысль: если найти специалиста, изготавливающего подобные взрывные устройства, то можно найти и покупателя.

– Ты думаешь, производитель кассовые чеки выбивает? Или товарные выписывает? Или ведет учет своих... заказчиков?

– Последнее не исключаю, – высказала свое мнение я. – Да, фамилий он, скорее всего, не знает, но если ему фотографии предъявить?

– Так он нам и скажет!

Насчет последнего я могла бы поспорить, так как у меня есть кое-какой навык получения информации, да и средства для ее выбивания в доме имеются, вопрос был в другом: к кому обращаться? Если изготавливал хитрую штуковину не Андрей-оружейник, то знает ли он других мастеров, которые могли бы такое взрывное устройство состряпать? Знает ли таких мастеров Афганец? Или этот «народный умелец» себя не рекламирует? Но каким-то образом он должен был где-то засветиться, а значит, если его нашел тот, кто пожелал отправить Тарасова к праотцам, то его найду и я. Кто ищет – тот всегда найдет.

Пока я размышляла, Алла Сергеевна закурила, глядя в окно, потом перевела взгляд на меня.

– У тебя алиби есть? – вдруг спросила она.

– В смысле? – не поняла я. Какое, к черту, алиби? И зачем оно мне?

– Ты можешь точно доказать, что не ты прикрепила взрывное устройство к пальто Тарасова?

Я пожала плечами. В последний раз мы встречались с Тарасовым в ресторане девятого марта, в первый после праздников рабочий день. Верхнюю одежду мы одновременно сдавали в гардероб и одновременно же получали. Кто поверит, что я тогда прикрепила взрывное устройство к его пальто? Зачем это мне?! Это мой постоянный клиент, друг, в конце концов, более того, мы никогда не были любовниками. С какой стати мне его убивать?! Хотя, конечно, при желании на любого человека можно повесить убийство. А те, кто знает о моих прошлых подвигах, вполне могут предположить, что это я постаралась. Но Алла-то Сергеевна о них слухом не слыхивала! И неужели Тарасов столько времени ходил с взрывным устройством – и не заметил? Хотя я могла себе представить, что Стас его не обнаружил, но жена-то? Познакомившись с ней, я не сомневалась, что она регулярно проводила ревизию вещей мужа на предмет женских волосков, следов помады и прочего. Я уточнила это у Аллы Сергеевны.

– Менты сказали, что штуковина была крохотная и легкая. Он мог носить ее на себе день, неделю, месяц... Я, дура, не ощупывала все его вещи. Я другое искала, как ты правильно догадалась, – Алла Сергеевна грустно усмехнулась. – Я так понимаю, что она напоминала то ли пуговицу, то ли... Я вполне могла решить, что это запасная пуговица. Сама знаешь, что их иногда к боковому шву прикрепляют изнутри. Ну, то есть я могла ее нащупать, подумать, что это пуговица, и забыть. И в следующие разы, когда щупала, тоже думала, что пуговица. Лана, я не помню, было что-то такое или нет! Ну не помню, и все! У меня нюх на бабские штучки. Я, даже если волос чужой на Стасовых шмотках видела, сразу же понимала, что он женский.

Более того, Алла Сергеевна напомнила мне, что сама ставила на одежду Тарасова маленьких «жучков», чтобы слушать, о чем и с кем разговаривает супруг.

Я поинтересовалась, где она брала «насекомых». Алла махнула рукой и заявила, что их, как и оружие, достать в нашем городе не проблема, еще проще, чем пистолет, кстати.

– И почему нынче «насекомые»? – мое любопытство требовало удовлетворения, тем более что я не исключала – мне они тоже могут понадобиться.

Алла Сергеевна поделилась со мной опытом приобретения и использования «букашек», сообщив, что в нашем городе стоимость данного товара колеблется от ста до тысячи долларов, в зависимости от модели. Приобретя некоторые навыки шпионской деятельности, Алла Сергеевна остановилась на модели за двести семьдесят баксов, вначале попробовав более дешевую и более дорогую.

Алла Сергеевна грустно улыбнулась и рассказала мне подробно, как она «считывала» воркование голубков при помощи дистанционного управления, записывала все на магнитофон, а потом давала прослушать Тарасову. Выражение лица уличенного в измене мужа стоило всех затрат. Тарасов, правда, всегда считал, что Алла нанимает сотрудников какого-то детективного агентства, но она их услугами не пользовалась никогда. Зачем? Ей самой было интересно.

– Если эта штуковина была такой же крохотной, как мои «насекомые», – продолжала говорить моя гостья, – я могла решить, что это я сама на то место «жучок» прикрепила. Лана, я не помню точно, куда я последний сажала! Честно, не помню!

– Так, может, убийца снял твой «жучок» и прикрепил свою гадость?

Алла покачала головой: «жучок» работал. В последний день жизни Тарасова на нем висели две штуковины: Аллина и еще чья-то. А Алла, наткнувшись на одну, могла решить, что это ее «насекомое», и не искать дальше.

– Ты что, не все пальто ощупывала?

– Не помню... Все вроде бы. Или не все... Может, нашла «жучка» и прекратила искать... Лана, я честно пытаюсь вспомнить! Он в понедельник вечером из спорткомплекса пришел. Так мне сказал, по крайней мере. Он туда ходил по понедельникам и четвергам, а позавчера был как раз понедельник. То есть он мог заниматься в спорткомплексе. И трахаться с этой сукой!

Алла Сергеевна считала, что ее соперница вполне могла прикрепить взрывное устройство к подкладке тарасовского пальто. Мало ли что сказал любовнице

Тарасов... Вдруг он сам решил с ней расстаться, до очередного дебоша Аллы Сергеевны? Вдруг отверг инструкторшу по аэробике? А месть отвергнутой женщины, как известно, вещь страшная и ужасная. Вдовушка также заявила, что «сука» могла действовать по чьему-то наущению. Ведь кто-то ее мог нанять? Вполне, согласилась я. Более того, последняя пассия могла не знать реального действия покупаемого устройства. Крохотулька на вид, такая фигня, по мнению простого обывателя, и вреда особого не принесла бы.

- Ты в курсе, куда ее прикрепили? - взглянула на меня гостья.

Я покачала головой: по телевизору об этом ничего не сказали.

- К боковому шву, на уровне пупка! Знаешь, что мент сказал? Что, наверное, задницу Стасу подпалить хотели, только заряд не рассчитали. Есть в милиции такая версия.

- Но тогда ведь ему бок покорежило бы, а не зад? - не понимала я.

- Бок, - кивнула Алла, - но так, что человек не мог бы месяц сидеть. Понимаешь? У наших китайских друзей есть такие сюрпризы. Менты, кстати, на их сувениры в первую очередь и подумали. И сейчас, наверное, продолжают так думать. А прямо под задницу не прикрепили, чтобы Стас ничего не заподозрил. А то сел бы - и там что-то мешается, хотя, конечно, он мог бы и не почувствовать.

Взрывное устройство оказалось достаточно мощным - и в результате Стасу разворотило весь левый бок. Врачи сказали, что он умер от разрыва сердца.

- В прямом смысле?

- Ой, Ланка, не знаю точно, - махнула рукой Алла Сергеевна. - Наверное. Менты так сказали. С врачом я сама не говорила. Да какая теперь разница?! Теперь главное: найти убийцу!

Гостья помолчала немного и спросила меня, не соглашусь ли я ей помочь в этом деле. Алла Сергеевна призналась, что больше ей обратиться не к кому, не к бывшим же любовницам мужа? Я же была его другом, а вдовушка мне, опять же, в рожу не вцеплялась, как всем остальным знакомым мужа женского пола. Я

посмотрела на нее внимательно и уточнила – почему Алла вдруг решила взять на себя функции милиции (хотя сама вчера решила заниматься тем же самым)? Гостья вздохнула и выдала информацию, повергнувшую меня в шоковое состояние.

– Я ехала на машине вслед за «мерсом» Станислава. На некотором удалении, естественно. Я же говорила тебе сегодня, что «жучок» продолжал работать... Ох, если его менты нашли... Но мне, правда, ничего не сказали, а я, конечно, не спрашивала. Может, мой «жучок» исчез при взрыве? Я видела, как «мерс» резко затормозил и как там... Ты понимаешь, что машину вообще не разворотило? Не было ни столба пламени, ни грохота – ничего.

Я перебила ее, напомнив, что вчера смотрела телевизор и была весьма удивлена состоянием машины.

– Да в этот «мерс» хоть сейчас садись и поезжай! – заорала Алла и уже более спокойным тоном продолжила рассказ.

Затормозив посреди улицы, водитель выскочил из машины и с истошным воплем рванул через дорогу, не обращая внимания на гудки клаксонов. Багловский, компаньон Тарасова, сидевший на переднем месте пассажира, с трудом открыл дверцу и сполз на асфальт, потом на четвереньках стал пробираться к тротуару – опять же по проезжей части. Водитель рухнул у стены ближайшего дома и сидел с выпученными глазами, судорожно хватал ртом воздух и непонимающе глядел на «Мерседес», так и стоявший посреди дороги с открытыми передними дверцами.

Тут народ очухался, водители стали вылезать из машин и заглядывать в салон «Мерседеса», на тротуаре собралась толпа. Кто-то вызвал милицию и «Скорую».

Алла Сергеевна, следовавшая за мужем на стареньких «Жигулях», о существовании которых Тарасов не знал, услышала через принимающее сигналы устройство дикий крик мужа, затем все звуки резко оборвались: прием прекратился.

Госпожа Тарасова притормозила вместе с другими машинами, выскочила из своей и заглянула в «Мерседес», пока не успела приехать милиция. Ее передернуло от одного воспоминания.

- Ты сразу поняла, что он мертв? - уточнила я.

- Если бы ты видела, в каком состоянии он был, то не задавала бы глупых вопросов.

К счастью, я не видела и желания такого не испытывала.

Алла же быстро загрузилась в машину и уехала с места происшествия. Когда ей позвонили, чтобы сообщить о гибели мужа, она уже находилась дома.

У сына случилась истерика, ему даже пришлось вкалывать успокоительное. Их семейный доктор остался ночевать в квартире, чтобы быть рядом со Славой.

- Наш врач посоветовал мне выпить, - грустно улыбнулась Алла. - Спросил: есть ли мне с кем? Потому что лучше бы в компании - с тем, с кем я могу вспомнить Стаса. Я почему-то сразу же подумала о тебе. Спасибо, что не спустила меня с лестницы. Я бы, наверное, на твоём месте спустила.

Я тоже изобразила печальную улыбку, но ничего не сказала. Я убедилась, что мы с Аллой Сергеевной разные люди: я никогда не стала бы устраивать слезку за мужем, закатывать ему истерики, бить посуду, впиваться ногтями сопернице в физиономию. Не вижу в этом смысла.

И что получила Алла? Да, Тарасов с ней не разводился, но стоит ли жить так, как они жили? Я, наверное, не смогла бы. Хотя, пожалуй, Аллу все устраивало, и чем бы она занималась, если бы не приходилось постоянно выслеживать мужа и соперниц? Она никогда не работала, ребенок уже вырос. Надо же чем-то увлекаться? А хобби, насколько я поняла, у нее нет. В традиционном смысле. Она, по-моему, просто развеивала рутину - именно так я объясняла все ее действия. Аллина неумная энергия требовала выхода - и нашла себе русло.

- У тебя любовник есть? - спросила я.

Гостя обалдела от такого вопроса, потом заинтересовалась, почему он у меня вообще возник. Я пояснила.

Алла усмехнулась, сообщила, что я в некотором роде права – в смысле развеивания рутины, но были и другие причины ее действий. Об одной она уже говорила: Слава, которого она не могла лишиться отца, так как считала, что в случае развода Тарасов взял бы к себе жить Рому и вообще мог прекратить контакты с сыном Аллы. Также моя гостья не хотела лишаться материальных благ, к которым она привыкла, в чем честно и призналась.

– Ну и... Тарасов бы без меня пропал, Лана, – заявила гостья. – Хочешь – верь, хочешь – нет. Жалко мне его было, как старую собаку. Он сам не понимал, что если я уйду с горизонта, то его тут же начнут кидать многие партнеры. Так-то они знали, что если что – я прилечу на метле и устрою дебош, – Алла усмехнулась. – Без меня и фирма бы приказала долго жить. Кстати, о фирме. Ты знаешь, почему еще я приехала к тебе?

Я пожала плечами.

Алла Сергеевна прямо заявила мне, что ей нужна помощница, которой она могла бы доверять и с которой могла бы посоветоваться, хотя бы иногда. Я же давно кручусь в бизнесе, причем являюсь директором фирмы.

– Ты готова доверять мне? – удивилась я.

Алла Сергеевна сказала, что в свое время она провела обширные разведмероприятия, активно интересуясь моей особой. Теперь, основываясь на них, она делала мне предложение: стать ее консультантом по руководству принадлежавшим Тарасову предприятием «Нева-металл», производящим гвозди, гайки, болты и прочие подобные изделия.

– Я ничего не смыслю в гвоздях! – заорала я. – Я никогда не хотела работать ни на каком заводе! Я занимаюсь тем, чем хочу заниматься! А туризм и гвозди – это две большие разницы, как говорят в Одессе-маме.

– Да ведь принцип-то один, Лана, – заметила Алла Сергеевна.

Я неопределенно пожала плечами.

А Алла Сергеевна продолжала убеждать меня помочь ей заняться бизнесом.

– Я ничего не понимаю в гвоздях! – во второй раз заорала я, потому что гостья уже начинала выводить меня из себя.

– Захочешь – поймешь, – спокойно сказала Тарасова. – Известный тебе Станислав Леонидович тоже ничего не понимал и не умел – а вон какое производство организовал. Не без моей помощи, конечно. Тебя кто-нибудь обучал туризму? Сама ведь наверняка училась. Ты кто по специальности, кстати?

Я сказала, что в свое время окончила медучилище.

– Ну, вот видишь. И большинство наших бизнесменов тоже ничего не умели и лет десять-пятнадцать тому назад даже предположить не могли, чем станут заниматься. Без образования – но с наглостью, без опыта – но с умением держать нос по ветру. Кое-какие законы современного бизнеса я хорошо усвоила. Да старину Хоттабыча бы в наше время – помер бы он от зависти после знакомства с акулами капитализма, как и персидские и прочие маги. Деньги исчезают – и никто, включая президента, не знает, куда они делись. Товар вагонами улетучивается. Все, что хочешь, растворяется в воздухе после проведения магических ритуалов нашими соотечественниками.

– Нет, Аллочка, законы физики все-таки работают. Закон сохранения энергии, например, правда, преломленный на нашу действительность. Исчезнувшие в России рубли каким-то немыслимым образом превращаются в доллары, евро и швейцарские франки и оседают на швейцарских номерных счетах.

– Я знала, что пришла к нужному человеку! – воскликнула Алла Сергеевна. – Я не сомневаюсь, что ты, Лана, очень хорошо представляешь, как все эти законы срабатывают. А в плане гвоздей... Захочешь – научишься. Да и что я, прошу тебя в технологию производства вникать, что ли? Мне нужны твои консультации по вопросам исчезновения и превращения, чтобы мужики меня не кинули. А стимул я тебе обеспечу – и очень немалый, причем в долларовом выражении.

– Ну ладно, давай попробуем, – кивнула я, правда, сразу же предупредила гостью, что от турфирмы отказываться не намерена и стану уделять внимание «Неве-металл» только в свободное от своей основной и любимой работы время.

Затем я уточнила, собирается ли Алла Сергеевна кого-то увольнять из старых работников «Невы-металл»? Уже немного изучив ее, я не сомневалась, что она и

там себе нажила врагов.

– Посмотрим, – ответила Алла Сергеевна и сообщила, что десять процентов «Невы-металл» принадлежат Багловскому, компаньону Тарасова, если он не помрет, конечно. Алла была не в курсе, что там у него с сердцем. Не скончается – оставим, по крайней мере временно, а там видно будет. Он – коммерческий директор. Алла Сергеевна планировала стать генеральным директором, меня назначить своим замом – должность могу придумать себе сама. – Но все это не главное, – закончила она свое выступление.

Я с удивлением посмотрела на нее.

– Надо еще убийцу найти, чтобы Тарасова на меня не повесили. Иначе не будет ни фирмы, ни бабок. Так что первая и главная задача: расследование! Я не питаю никаких иллюзий в отношении ментов, Лана, – сказала гостя. – Не станут они носом землю рыть. Им бы только дело списать. А я для роли негодяйки подхожу великолепно. Я – главная наследница! Мне смерть Тарасова была выгоднее всех. И если еще каким-то образом выяснят, что я за ним следила...

Мысли пролетали у меня в голове с космической скоростью. А чего же в самом деле хочет Алла? Найти убийцу – или отвести подозрение от себя? И предлагает мне за это солидный куш? И не запутаюсь ли я во всех этих ее хитромудростях? Ведь Алла, похоже, – это конь с яйцами и Лиса Патрикеевна в одном лице. Хотя и я тоже не промах.

Но я все равно влезла в это дело – в первую очередь потому, что обещала Тарасову помочь его сыну. Пусть у Аллы Сергеевны будут другие приоритеты. Мое дело – разобраться с фирмой и не дать Алле прибрать все к рукам. Даже хорошо, что она ко мне пришла сама. А уж разобравшись, я решу, что делать. Но надо бы для начала выяснить, как именно распределил свое наследство Стас.

Глава 3

17 марта, среда

После долгих разговоров нам с Аллой Сергеевной захотелось съесть что-то существенное, я свистнула братца, сидевшего в комнате перед телевизором, и велела ему что-нибудь быстро приготовить, так как собиралась еще съездить на работу и сидеть там до позднего вечера, раз уж не появилась в офисе утром. Братец пожарил картошку с мясом, которую мы с большим аппетитом приговорили. На этот раз мы решили выпить чаю, но не успели: в дверь позвонили.

– Ждешь кого-нибудь? – уточнила гостья.

Братец уставился на меня молча. Он уже приучен ожидать всяких гадостей и выдрессирован не открывать незнакомым людям. Долго не мог постичь эту науку, кстати, но после того, как в нашу квартиру ворвалось стадо непрошенных гостей и держало их тут с Сашкой в заложниках до моего приезда, Костя стал гораздо осторожнее. На своих ошибках, как говорится...

– Да нет вроде... – протянула я. – У нас тут много всякого народу шляется. То подписи собирают, то социологические опросы проводят, то мед натуральный продают, то еще что-то. Редко какой-то день проходит, чтобы никто в дверь не звонил.

– Посылай всех подальше, – порекомендовала Алла Сергеевна, опуская пакетики с чаем в наши чашки.

– Я обычно так и делаю, – ответила я, сурово посмотрела на Костю, встала и отправилась к входной двери, из-за которой услышала:

– Лана, открывай! Это я, Серый.

С Сергеем Стандецким мы в свое время познакомились при весьма специфических обстоятельствах – когда я поехала покупать свой первый пистолет. Потом несколько раз пересекались, опять же, всегда в таких ситуациях, в которых нормальные люди просто никогда не оказываются. Но я имела о нем самые светлые воспоминания, к тому же именно он как-то раз скрутил одну киллершу, пытавшуюся меня убить.

Однако я не забывала, что он является одним из ближайших соратников Лешки Афганца, и имела все основания предполагать, что сейчас Серега появился у

меня как представитель Алексея Петровича, до сих пор не желавшего лично видеть мою скромную персону.

Внимательно оглядев меня цепкими серыми глазами, Серега уточнил:

- Про Тарасова уже знаешь?

- Да, - не стала скрывать я. «Значит, и Серега, и Афганец с Тарасовым были знакомы и о моей дружбе с ним осведомлены?» - подумала я, а вслух поинтересовалась, что привело ко мне Серегу, отметив про себя, что за те месяцы, что мы не виделись, Станецкий стал немного другим: что-то изменилось во взгляде. Может, прибавилось уверенности, хотя комплексом неполноценности Серега никогда не страдал. Или он просто стал жестче? Сказывается влияние Афганца? Во время нашей первой встречи в этом году я так и не ответила на свой вопрос: что именно изменилось в Сереге за эти месяцы?

Выяснилось, что сегодня утром он позвонил мне на работу, но там девочки, плакавшие по Тарасову (проснувшись, я им позвонила и предупредила, что появлюсь после обеда, и сказала, по какой причине), сообщили, что я дома. Серега поехал ко мне, не посчитав нужным предупредить меня о своем визите.

Интересно, он от себя лично прибыл или от Афганца? В любом случае я решила, что должна проявить все свои актерские способности и получить от Сереги максимум информации и одновременно постараться не предоставить ему никакой. А то еще неизвестно, чем для меня это обернется, в особенности если за Серегиной спиной стоит хитрый жук Лешенька. От этой парочки - Леши с Сережей (и всех их дружков) - можно ожидать любой пакости, тем более что они, в свою очередь, ждут любой гадости от меня, уже неоднократно пообщавшись лично...

После некоторых усилий, пока Серега сбрасывал куртку и снимал обувь, слезы навернулись мне на глаза. В этот момент мой взгляд упал на собственное отражение в зеркале, висевшее в прихожей, и я ужаснулась. Сереже, конечно, приходилось видеть меня и после трех неудачных покушений, совершенных в течение какой-то пары минут, и после схватки с его дружками в доме Андрея-оружейника, но - тем не менее. С бодуна перед его светлыми очами я не представляла еще ни разу.

– Ой, прости, что я так выгляжу... – пролепетала я. – Я...

И закатила глазки, одновременно утирая слезки.

– Все в порядке, – легкая улыбка мелькнула на Серегиных губах. – Я же знаю, какая ты красавица, Ланочка. И стрижка тебе больше идет, чем «хвост».

Волосы пришлось подстричь после того, как концы были опалены во время взрыва машины. А я ведь так долго их отращивала, наслушавшись от мужиков, включая двух моих мужей, о том, что противоположный пол предпочитает женщин с длинными волосами. Правда, после того, как я подстриглась, слышу от всех знакомых, что мне так лучше. Вот бы еще Афганец высказал свое мнение... Но, пожалуй, если Лешенька и выскажет свое мнение о моей внешности и обо мне в целом, то только в непечатных выражениях. «А я ведь не прочь его снова увидеть...» – опять подумала я, вспоминая наши прошлые встречи в Лешкиных апартаментах.

– Куда ты меня пригласишь? – спросил Серега, пятерней расчесывавший свои короткие каштановые волосы.

В этот момент из кухни появилась Алла Сергеевна, выглядевшая, как я могла оценить, гораздо хуже, нежели я, – хотя бы потому, что была на семь лет старше, а в нашем возрасте каждый год идет за два.

Серега при виде ее рот раскрыл, правда, довольно быстро закрыл и поздоровался, назвав мою гостью по имени-отчеству. Она тоже знала, как его звать-величать, и пригласила мужчину в мою кухню. «Откуда они знакомы?» – подумала я, но вслух ничего не спросила. Серега проследовал в кухню, держась между нами с Аллой Сергеевной. Костя потрусил следом, бросая на меня вопросительные взгляды. Я пока молчала, предполагая, что в самом скором времени выясню, где мои гости пересекались раньше. Не выбивала ли Алла Сергеевна долги и из Стандецкого с Афганцем? Или, может, требовала выполнения каких-то обязательств? Я усмехнулась, представив, какой дебош Алла Сергеевна могла бы учинить в огромных Лешкиных апартаментах – если она добиралась до них, конечно.

На кухне Серега внимательно огляделся, увидел под раковиной пустые бутылки, кивнул понимающе и уселся на табуретку. Костя поставил перед ним чашку и

остался с нами.

– Не ожидал, признаться, застать вас вместе, – заявил Серега. – Хотя... Вы чем-то похожи. – Гость кашлянул. Многозначительно.

– Горе-то общее, – заметила Алла Сергеевна, извлекла из кармана платочек и промокнула глазки. Как я отметила про себя, теперь она говорила совсем другим голосом, не то что со мной, да и сегодня мы уже не ревели. И вообще, сейчас она выглядела по-другому! Это просто ведьма какая-то, умеющая в одно мгновение изменять внешность. Я не могла точно сказать, что именно преобразилось в ее облике – но он стал другим. Напротив меня теперь сидела несчастная слабая женщина, не умеющая бороться с жизненными невзгодами и преодолевать трудности. Она расклеилась, потеряла ориентиры, опору, и будущее представляется ей только в темных тонах.

Пока мы пили чай, Серега никаких конкретных вопросов не задавал. Разговор, конечно, вертелся вокруг случившегося, Алла Сергеевна то и дело промокала глаза платочком, я по большей части угрюмо молчала. Костя бросал вопросительные взгляды во все стороны, но свое любопытство сдерживал, хотя, как я подозреваю, ему не терпелось его удовлетворить.

Затем Серега пообщался с Аллой Сергеевной насчет организации похорон, но она изобразила из себя далекую от таких дел особу, не умеющую не только что-то организовать, но даже не представляющую, к кому надо обратиться.

– Фирма, наверное, все возьмет на себя, – пролепетала Алла Сергеевна. – И на вас лично надеюсь, Сереженька. А вы случайно не знаете, как там Венечка себя чувствует?

– Вы имеете в виду Багловского? Он в больнице.

Затем Серега повернулся ко мне и спросил, не можем ли мы где-то поговорить с ним наедине. Это соответствовало моим желаниям.

– Я вам мешаю?! – трагическим голосом воскликнула Алла Сергеевна. – Ну что ж, раз так... – Голос у нее стал еще более трагическим. – Тогда я поеду, Ланочка. Звони мне и приезжай. Вместе нам будет легче! Сейчас я запишу тебе на бумажке все свои телефоны.

Сборы Аллы Сергеевны заняли минут сорок, на протяжении которых Серега тихо зверел, правда, вслух он ничего не высказывал, хотя, пожалуй, ему страшно хотелось дать Алле пинка под зад, чтобы наконец ее выпроводить. Костя молча стоял в прихожей с шубой, готовый в любой момент ее подать, но у братца руки затекли гораздо раньше, чем Алла Сергеевна сунула руки в рукава. А я думала: что она из себя изображает? Или тоже хочет вытянуть из Сереги какую-то информацию?

Затем я попыталась взглянуть на Аллу Сергеевну глазами Сереги. Что бы я подумала о ней? Интересно, кстати, как она вчера себя вела с ментами? Знает ли Серега про ее дебоши? Пожалуй, да... Как она вообще ведет себя с мужиками?

На месте Сереги, который наверняка все-таки был наслышан о прошлых Аллиных подвигах (раз они знакомы лично), я признала бы Аллу Сергеевну не совсем здоровой психически – и это еще мягко сказано. А если еще менты узнают о том, какими способами она отваживала соперниц...

Алла Сергеевна готовит себе запасной аэродром? Ведь если она окажется признанным психом, в тюрьму ее не засадишь – даже если будет безоговорочно доказано, что Стаса убила она. Алла Сергеевна решила, что психушка предпочтительнее? Ну, если та, элитная, в которой работает одна Веркина знакомая (бывшая «ночная бабочка»), тогда – конечно.

Наконец мадам Тарасова нас покинула, облобызав меня, пожав руку Косте и погладив Серегу по плечу, как старого товарища, а также заявив ему, что она на него надеется.

Когда за Аллой Сергеевной закрылась дверь, я издала глубокий вздох облегчения, Серега с Костей последовали моему примеру, мы с ними встретились взглядами – и вздохнули еще раз. В общем, поняли друг друга без слов. Я снова пригласила гостя в кухню, рассказала о вчерашнем приезде Аллы и о нашей совместной пьянке, правда, о деловых предложениях, поступивших от нее сегодня, умолчала и тут же спросила, откуда Сережа знаком с удивительной женщиной – Аллой Сергеевной.

Гость скривился и рассказал, что Алла Сергеевна еще в девяностые годы первой из жен бизнесменов (насколько известно Сереже) обратилась к «крыше» мужа за помощью для возвращения его в семью, причем делала она это неоднократно,

в результате чего у «крыши» возникло желание бизнесмена кастрировать, чтобы больше никогда не видеть его жену и не слышать ее жалоб. «Крышеванием» тогда занимался теперешний бизнесмен Лешка Афганец со товарищи.

- Как она на вас вышла? - поинтересовалась я.

- Ты хоть немного знакома с Аллой Сергеевной? В курсе ее подвигов?

Я ответила, что она в свое время разгромила мой офис.

- Вот так и вышла, - сказал Серега, добавив парочку колоритных выражений в адрес вдовушки. - Она на кого захочет - на того и выйдет. По-моему, Ланочка, из всех женщин ты одна в состоянии составить ей конкуренцию. Ну и, может, твоя Верка. Кстати, как ты считаешь, почему Тарасова приехала именно к тебе? - посмотрел на меня Серега.

- Наверное, больше не к кому было, - ответила я. - Если я правильно поняла, у нее нет подруг. А я... Она же в курсе, что мы много лет общались со Стасом, но никогда с ним не спали. Мне она физиономию не царапала, волосы не рвала, так что имела основания считать, что я не пошлю ее подальше, как все остальные тарасовские бабы.

Серега смотрел на меня, не отрываясь.

- В чем дело? - спросила я.

- Ты в самом деле не знаешь? - уточнил он.

- Что?

- Тарасов оставил завещание. То ли он что-то чувствовал, то ли... Вчера была ровно неделя, как он его составил.

- А я-то тут при чем? - спросила я с самым невинным выражением лица.

- Тебе достается десять процентов «Невы-металл».

Я открыла рот и долго не могла его закрыть, затем стала судорожно вспоминать суть своего разговора с Аллой Сергеевной. Так знала она об этом или нет? Чего она от меня хотела? Ничего подписать она мне не предлагала, продать – тоже. Наверное, она в курсе, что акции «Невы-металл» нельзя украсть, а затем пользоваться ими, как деньгами. Владелец должен заноситься в реестр акционеров, да и продаются они, по идее, только на бирже. Более того, преимущественное право на покупку может принадлежать другим акционерам – но это нужно смотреть в уставе. Алла хотела заручиться моей поддержкой, просила ее консультировать...

Я задала Сереге вполне логичный вопрос: кому достались остальные акции тарасовской фирмы? Этому мой гость не знал, мог только сообщить, что десять процентов у коммерческого директора Багловского (что я уже слышала от Аллы), тридцать – у Афганца (как мило!), а насчет меня Тарасов заранее предупредил Лешку (чтобы тот в обморок не рухнул, узнав, что я и сюда влезла?), сказав, что поручает мне обеспечить соблюдение интересов его незаконнорожденного сына, за что и оставляет мне часть своих акций.

– Тебя в самом скором времени пригласят к нотариусу, – продолжал Серега. – Сообщи, пожалуйста, сразу же, каким образом распределились акции «Невы-металл». Тарасов наотрез отказался говорить нам об условиях своего завещания. А если узнаешь, что кто-то желает продать акции, звони немедленно. Получишь свой процент.

Значит, Алексей Петрович с Серегой положили глаз на фирму. Лешка хочет стать единоличным владельцем, ну, или на пару с Серегой или с кем-то из верных соратников? Завод явно приносит неплохую прибыль, причем, подозреваю, большая ее часть налогами не облагается. Не удивлюсь, если окажется, что все эти гвозди – левые или производятся из ворованной катанки.

Ну что ж – от Афганца этого вполне можно было ожидать. Когда мне предложат продать мои акции? Я считала, что это предложение поступит в самом скором времени.

Но чего опасался Тарасов? С какой стати он решил оставить завещание? Мы не в Америке живем, не принято это у нас как-то, даже в бизнесмено-банкирской среде.

– И, Лана, если вдруг вокруг тебя начнет происходить... что-то странное, тут же дай мне знать.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла я. То, что для обычных людей – странное, для меня может оказаться в порядке вещей. Взрыв машины, например, или неудавшиеся покушения профессиональных киллеров.

Сергея долго молчал, потом вдруг решился и сообщил, что Тарасовым активно интересовались органы. Проверяли они и меня как давнюю знакомую Стаса, поддерживавшую с ним дружеские отношения на протяжении многих лет. Я вопросительно смотрела на него. А Сергей сообщил информацию, заставившую меня серьезно задуматься: несколько бывших любовниц Тарасова бесследно исчезли, причем всего лишь через пару-тройку месяцев после расставания со Станиславом.

В свое время, занимаясь исчезновением одной девушки, некий дотошный мент выяснил, что оно удивительно похоже на другое исчезновение, которым он занимался за полгода до этого. Обеих женщин объединял мужчина: и та и другая прошли через постель Станислава Леонидовича Тарасова, мужчины очень любвеобильного. Тогда майор Сидорчук стал выяснять имена всех бывших пассий упомянутого гражданина. Список получился длинным, но самым удивительным оказалось то, что три женщины исчезли в неизвестном направлении.

– Алла Сергеевна? – подал голос Костя, до этого слушавший Серегу, не перебивая. – Это она их... ну, в общем...

– Пока я не могу ничего утверждать. Доказательств нет. Но если в неизвестном направлении исчезли три бывшие любовницы Тарасова, это наводит на кое-какие размышления, не так ли? Больше у этих женщин не имелось ничего общего. Ну, конечно, все они были молоды и хороши собой. Лана их видела. Они ездили отдыхать с Тарасовым через ее турфирму.

– Я женщин Тарасова видела только на паспортных фотографиях.

– Поверь тогда мне на слово, – продолжал Сергей. – Менты получили разрешение на прослушивание его телефонов, но это тоже ничего не дало. В общем, они пришли к выводу, что это не он. Да и Тарасов так любил женщин – всех

женщин, – что просто не мог приносить вам зло.

Я улыбнулась, вспоминая Станислава. Он в самом деле относился к той замечательной породе мужиков, которые просто обожают баб, причем всех. И его женщины любили.

– А зная о том, как его женушка борется за свое сокровище, невольно задумаешься, не она ли избавляется от соперниц?

– Но как?! – воскликнула я. – Тем более, если я тебя правильно поняла, они пропадали после того, как с ними разобралась Алла Сергеевна, наглядно продемонстрировав им, что они связались не с тем мужчиной?

– Я не знаю, что случилось с теми девчонками, – устало сказал Серега. – Мы с ребятами сами обалдели, когда узнали, что происходит что-то непонятное. Согласись: если пропало три бабы, все – бывшие любовницы Тарасова, то это, по крайней мере, странно.

Не так давно милиция, до этого только следившая за Тарасовым и собиравшая о нем информацию, допросила его лично. Для него полученная информация была шоком. Он не поддерживал отношений со своими бывшими женщинами и знать не знал, что с ними происходит. Стас припер к стенке Аллу Сергеевну, но та, признав, что устраивала дебоши, клялась всеми святыми, что никаких действий после расставания девчонок с Тарасовым не предпринимала. Зачем? Она ведь уже донесла до них то, что хотела.

– А вы с Афганцем зачем влезли в это дело? – поинтересовалась я. – От широты душевной? Из природного благородства?

– Нам был не нужен лишний интерес ментов к Тарасову. А они заинтересовались активно. Мы, в свою очередь, тоже. Зачем терять выгодный бизнес из-за какой-то ерунды?

«Ничего себе – ерунда», – подумала я, но смолчала. Кстати, а гвозди – лакомый кусок или не очень? Мне почему-то казалось, что пирог этот – большой и сладкий, иначе Афганец им бы не заинтересовался.

Сергеа тем временем заявил, что пришел меня предупредить.

- Будь осторожна, Лана! В особенности теперь, когда тебе досталось наследство. А ведь ты, по идее, не должна была получить ничего.

- Но я и не претендовала ни на что! - воскликнула я.

- Ты думаешь, это играет какую-то роль для Аллы Сергеевны? На ее месте ты посчитала бы это справедливым? Алла Сергеевна, по твоему мнению, спокойно воспримет эту новость? Скажет: Ланочка заслужила десять процентов фирмы за то, что помогала скрывать Тарасову его любовные связи от законной жены?

Я погрузилась в размышления, вслух ничего не комментируя.

- Он пошел составлять завещание после того, как его допросили менты, - продолжал Сергеа. - То есть... Они его взяли за жабры в начале марта, даже в феврале, он как раз из Таиланда вернулся. Стас Инне - своей последней бабе - охрану обеспечил, о своих соображениях насчет исчезновения прежних своих баб никому ничего не сказал, вернее, сказал, что должен подумать. Последний месяц он крутился как белка в колесе. Что-то выяснял, что-то узнавал. С кем только не встречался... Когда Лешка его о чем-то пытался спросить, он отвечал: потом, потом. Менты к нему регулярно шлялись, но, насколько мне известно, он и им ничего не сообщил.

- Но сейчас милиция расследует убийство Тарасова? - уточнила я. - А для того, чтобы его убить, чтобы вообще кого-то убить, нужен мотив. Ну, это - насколько я понимаю. Ведь если кто-то заранее готовился, подкладывал взрывное устройство...

- Дела об исчезновении девушек пока не закрыты, - сообщил мне Сергеа. - К ним просто прибавилось еще одно - об убийстве Тарасова. Вполне возможно, что виновными являются разные лица, но я не исключаю и варианта, что постаралась одна, известная и тебе, особа. Ты так не считаешь? Так что, Лана, держи рот на замочке и поменьше высывайся.

- Но зачем Алле убивать Стаса?! - воскликнула я. - Я еще могу понять насчет девчонок. Но Стаса-то? Кто же убивает курицу, несущую золотые яйца? А ведь Тарасов был для Аллы Сергеевны именно ею!

– Я ничего не утверждаю. Но подумай, пожалуйста, обо всем, что я тебе рассказал. Будь готова, что милиция появится и у тебя. Девки-то все ездили за границу через твою фирму! Менты давно к тебе собирались, но пока что у них руки не доходили. О моем к тебе визите, сама понимаешь, лучше не упоминать, как и о том, что я тебе сегодня рассказал, ну, и о наших прошлых встречах, конечно. А если у тебя появятся какие-то известия, даже просто соображения, позвони. Телефоны ты знаешь. Звони лучше мне, не Лехе. Он, как бы это помягче выразиться?.. – Серега усмехнулся. – В общем, ты меня поняла. И, Ланка, будь осторожна! Никуда не лезь! Тут завязаны слишком большие деньги!

В сомнамбулическом состоянии я закрыла за Серегой дверь и стала наконец собираться на работу.

– Лана, гранаты бы надо из холодильника перепрятать, – предложил Костя. – А то, если милиция придет...

– Обысков у нас, по-моему, еще никто проводить не собирается, – заметила я, хотя для себя решила, что Костя на этот раз прав.

Глава 4

17 марта, среда, вечер;

18 марта, четверг

Вечером в тот же день мне позвонил мужчина, представившийся Олегом Николаевичем, нотариусом покойного господина Тарасова, и пригласил к себе в контору. Туда следовало прибыть на следующий день, то есть в четверг, к двенадцати ноль-ноль. Как пояснил мне Олег Николаевич, в соответствии с волей покойного его завещание должно быть оглашено через день после смерти в присутствии пятерых человек: законной супруги (то есть вдовы) Аллы Сергеевны, ее сына Вячеслава Станиславовича, еще одного сына господина Тарасова, Романа Станиславовича, госпожи Баймаковой Инны Александровны и моей скромной персоны. Кто такая Инна Александровна, нотариус мне не пояснил. Я же вспомнила дневной визит Сереги, упоминавшего некую Инну –

последнюю подружку Тарасова. Имя пассии Тарасова, сопровождавшей его в заграничных вояжах, я в документах своей фирмы проверить забыла – закрутилась. Но неужели Стас и ей что-то оставил? И какие действия по этому поводу предпримет Алла Сергеевна? Как она отнесется к данной информации, сомнений у меня даже не возникло. М-да, ситуация становится все интереснее и интереснее.

После звонка Олега Николаевича я долго сидела в задумчивости, прикидывая возможные варианты развития событий, а также в поисках различных объяснений случившегося. Потом я все-таки решила отложить это занятие, пока не приносящее результата. Для начала следует познакомиться с Ромой и этой самой Инной. Тогда, можно считать, я узнаю всех участников драмы. Слава, сын Стаса и Аллы Сергеевны, меня не очень беспокоил: я достаточно наслушалась от Тарасова, что представляет собой его законный сын. Как я предполагала, Слава будет делать все так, как скажет мама. Или она его просто не станет спрашивать: ведь до совершеннолетия ему еще два года.

Перед тем как лечь спать, я решила положить в сумочку кое-что из своего арсенала, хранящегося в доме. Есть у меня такой наборчик для современной русской бизнес-леди, собранный прошлой осенью и уже неоднократно спасавший мне жизнь. Вот только следовало решить, что именно прихватить с собой, поскольку я, во-первых, не представляла, каких конкретно пакостей можно ожидать от наследничков, а во-вторых, не исключала, что в нотариальной конторе меня обыщут металлоискателем. В связи с этим я оставила дома гранаты и «макаров», в свое время отобранный у одного чеченца, и прихватила лишь небольшой пистолет-авторучку из запаса «игрушек».

Подобные «игрушки» стали моим самым любимым оружием и, кстати, сыграли самую большую роль в моей жизни. Их в свое время не обнаружили ни чеченцы, ни родные русские бандиты, по всей вероятности не догадавшись, что эти штуковины тоже могут стрелять. Ну, я и стреляла... Более того, «игрушки» можно без труда провозить через границы, поскольку их не берут металлоискатели и рентгены в аэропортах. А раз они не поддаются обнаружению современными техническими средствами, то мне можно спокойно появляться с ними в любой фирме, вот только в милицию и ФСБ лучше не ходить. Там, как я догадываюсь, сумеют понять их предназначение. Но ведь пока туда меня и не вызывали? Эти «игрушки» привлекательны и тем, что занимают мало места (может у меня в сумочке лежать ручка?), просты в изготовлении, да еще и дешевы. Однако имеются и недостатки, из-за которых серьезные люди и

террористы не берут их на вооружение: малая огневая мощь, так что цель поразить можно только с близкого расстояния.

В общем, я запаслась одной «ручкой». Две могли привлечь лишнее внимание.

Утром в четверг я заехала к себе в турфирму, напряженно поработала полтора часа, а в двенадцать ноль-ноль появилась по названному Олегом Николаевичем адресу. Миловидная девушка показала мне, куда повесить шубу, и проводила в кабинет Олега Николаевича, где на кожаном диванчике уже сидел молодой человек в костюме и при галстукe, удивительно похожий на Стаса.

Сам Олег Николаевич оказался холеным типом примерно сорока пяти лет (хотя на самом деле ему вполне могло быть и на десять лет больше, я тоже не выгляжу на тридцать шесть, в особенности вечером и после наведения марафета), в очень дорогом черном костюме. На галстукe красовалась булавка с бриллиантовой шляпкой. Неплохо у нас живут нотариусы, мелькнула мысль, за ней последовала вторая: все зависит от клиентуры, как, впрочем, и в любом бизнесе. Среди турфирм ведь тоже немало и «дохлых», и элитных. Олег Николаевич благоухал каким-то приятным, чуть-чуть горьковатым одеколоном (я не смогла определить, каким именно, но сладкие мужские одеколоны я терпеть не могу, а вот с легкой горчинкой считаю как раз тем, что надо) и всячески старался продемонстрировать любезность и желание быть полезным. Догадываюсь, почему.

При моем появлении нотариус поднялся из-за стола, вышел мне навстречу, склонился над ручкой и выразил соболезнования. Я изобразила на лице легкую грусть.

Вслед за Олегом Николаевичем с диванчика для клиентов поднялся молодой человек. Хотя он тоже был в строгом черном костюме, но разница мгновенно бросалась в глаза: этот костюм стоил на штуку баксов дешевле, да и парнишка еще не научился их носить так, как холеный нотариус. Ему, похоже, было несколько неуютно, но держался он здорово и, как я успела заметить, пытался копировать манеры Олега Николаевича. Вполне успешно, надо отдать ему должное. После хорошей дрессировки парнишка может далеко пойти. Например, по кобелиным путям отца.

– Здравствуйте, Светлана Алексеевна, – сказал мне Рома, незаконнорожденный сын Стаса.

Я протянула руку.

– А это правда, что вас на самом деле зовут не Света, а Лана? – спросил Олег Николаевич, не давая Роме больше сказать ни слова.

– Правда, – кивнула я, всеми фибрами души ненавидящая имя Света.

В моей детсадовской группе нас оказалось четыре Светы, нас звали по фамилиям, в то время как других детей – по именам, и я пожаловалась старшему брату Косте, которого тогда считала очень сильным и способным решить все проблемы. Он и придумал Лану. За это я благодарна Косте – больше, чем за все его остальные достижения, имевшие место на протяжении его дальнейшей жизни.

– Мне очень жаль, что нам приходится знакомиться при таких обстоятельствах, – тем временем пропел Рома, копируя даже интонации Олега Николаевича и, пожалуй, не желая уступать ему инициативу. – Хотя я просил отца представить нас друг другу раньше. Я много о вас слышал и знаю, что отец всегда пользовался услугами только вашей турфирмы. Вот только я пока еще ни разу не был в вашем офисе...

– Лучше поздно, чем никогда, – я позволила себе легкую улыбку, не забывая о том, при каких обстоятельствах мы все-таки встретились. – Надеюсь, что вы, Рома, в самое ближайшее время ко мне зайдете.

– Спасибо, Светлана Алексеевна.

Тут Олег Николаевич встрял в нашу беседу, сказав, что сам в следующий раз обязательно воспользуется моими услугами, а потом заметил, что стоять нам всем негоже, и проводил меня к диванчику, держа под локоток. Рома следовал с другой стороны, правда, за локоток меня не держал, хотя, как я успела заметить, такая мысль у него промелькнула, но он от нее отказался. Правильно сделал, хочу заметить. Представляю, как бы мы втроем смотрелись со стороны, если бы кто-то заглянул в кабинет... До старушечьей немощности мне, надеюсь, еще добрых лет пятьдесят. Если я проживу их, конечно.

Усадив меня на диван, Олег Николаевич с резвостью молодого козлика танцующей походкой проследовал к стоявшему в углу столику, подозвал Рому, и они вдвоем передвинули его к диванчику. Затем Олег Николаевич, все так же приплясывая, проскакал к столу, нажал на какую-то кнопку, включив громкую связь с секретаршей, и попросил организовать нам кофеек.

Кофеек был организован минут за пять, и мы втроем приступили к его заливанию в свои организмы, периодически вспоминая Стаса и вздыхая. Вздохи лучше всего получались у Олега Николаевича (подозреваю, что он за годы своей практики успел набраться большого опыта общения с наследниками, в особенности с теми, которых в дальнейшем желал видеть в числе своих клиентов).

Когда кофепитие было закончено, Олег Николаевич выразительно посмотрел на часы, мы с Ромой тоже.

Однако обменяться репликами мы не успели: секретарша привела еще одну наследницу. Как я поняла, это и была та самая Инна Баймакова. У Ромы она вызвала неподдельный интерес, гораздо больший, нежели моя скромная особа. Это и неудивительно: Инне я дала бы года двадцать два. А если вспомнить, что Роме шестнадцать... Хотя трудно сказать, какой тип мужчин предпочитает госпожа Баймакова, в особенности если она имела честь делить постель с сорокатрехлетним Стасом. Опять же, возникает вопрос: она любит солидных мужчин или щедрых папиков? Но это мы еще успеем выяснить. Не все сразу.

– Вы потрясающе выглядите! – тем временем восторгался Олег Николаевич, вожделенно оглядывая фигуру Инны, облаченную в обтягивающие черные брючки и приталенный черный пиджачок. По крайней мере, хоть с цветом не ошиблась, в душе порадовалась я за покойного Стаса, хотя ему, конечно, уже все равно.

Рома тоже встал с диванчика, вежливо поздоровался с Инной, оценил ее взглядом, но не пуская слюни, и опять сел рядом со мной. Я только кивнула Инне. Она холодно кивнула в ответ и переключила внимание на Олега Николаевича, заливавшегося соловьем и уже интересовавшегося, до сих ли пор Инна Александровна занимается спортом.

Инна Александровна, усевшись в услужливо подставленное Олегом Николаевичем кресло, поведала нам всем, что активные занятия она прекратила несколько лет назад и теперь ведет аэробику в известном городском спорткомплексе.

– Не желаете ли к нам записаться? – обратилась она прямо ко мне. – Вам это может пойти на пользу.

– У меня нет времени на спорткомплексы, – ответила я. – Да и, откровенно говоря, я не вижу необходимости тратить деньги, достаемые мне с большим трудом, на то, что я могу получить бесплатно. Я в состоянии заняться спортом и без руководства инструктора.

– У Светланы Алексеевны нет необходимости сгонять вес. У нее великолепная фигура, – вставил Рома.

– Спасибо, – одарила я его улыбкой и положила свою руку на его ладонь, легко ее пожав.

– Светлана Алексеевна? – удивилась Инна. – Но...

Мы все посмотрели на нее вопросительно. Я, правда, догадывалась, за кого приняла меня Инна, хотя мы с Аллой Сергеевной и не были похожи внешне. Но ведь она уже имела счастье испытать прикосновение острых крепких ногтей Аллы Сергеевны к своему холеному личику?! На Кипре-то? Или там все-таки была ее предшественница? Пожалуй, я что-то напутала...

– Так вы не?... – все-таки решилась спросить Инна гораздо более тихим голосом, чем говорила до этого. Надменность ее полностью улетучилась.

– Я – не, – мне пришлось изобразить милую улыбку. Зачем мне лишний враг?

– Алла Сергеевна с сыном еще не подошли, – встрял Олег Николаевич, чтобы разрядить обстановку, и снова позвонил секретарше, заказав еще кофе.

Я все-таки хотела поставить все точки над «і» и уточнила – встречалась ли Инна с Аллой Сергеевной лично? Госпожа Баймакова кивнула, изобразив вселенскую

печаль, и поведала собравшимся в кабинете нотариуса, что как следует Аллу Сергеевну во время их единственной встречи рассмотреть не успела: ворвавшись в номер на Кипре, госпожа Тарасова тут же схватила первую попавшуюся ей под руку вещь (ею оказался хрустальный графин с вином) и запустила им в соперницу, не задавая никаких уточняющих вопросов. Инна увернуться не успела и очнулась уже в больнице: у нее оказалось сотрясение мозга.

- Сколько будем ждать Аллу Сергеевну? - спросил Рома, когда Инна закончила рассказ о своей единственной, но памятной встрече с мадам Тарасовой.

- Следующий клиент у меня в два часа, - сообщил нотариус. - Специально назначал с запасом.

Олег Николаевич демонстративно вздохнул. Рома кивнул с недовольным выражением лица. Инна тем временем кидала на меня взгляды украдкой: она ведь понятия не имела, кто я такая и откуда взялась. «Ну, ничего, помучайся, гадая», - усмехнулась я про себя.

Мы, теперь уже вчетвером, продолжили общение, крутившееся вокруг усопшего, также немного коснулись проблем Роминой учебы, моей работы и занятости Олега Николаевича. Инна наконец поняла, кто я, и даже удосужилась меня поблагодарить, изменив свое отношение ко мне на сто восемьдесят градусов. Рома показал себя исключительно вежливым и рассудительным молодым человеком, глубоко уважающим старших и прислушивающимся к их мнению. У меня о нем сложилось самое благоприятное впечатление. До встречи с незаконнорожденным сыном Тарасова я считала, что таких подростков в наше время уже просто не существует, в особенности если подумать о тех, кто тусуется у меня во дворе и курит на лестнице. Да если еще и моего собственного сына вспомнить, подключающегося к телефонной линии, чтобы пообщаться с американскими девственницами и домохозяйками... Похоже, Стас в самом деле уделял Роме много внимания. Я дала себе слово заниматься Сашкой в два раза интенсивнее, нежели в настоящее время.

Алла Сергеевна появилась с опозданием на сорок пять минут. Под расстегнутой норковой шубкой виднелось маленькое черное платье, которое, как говорил один известный модельер, должно быть у каждой женщины, правда, модельер не указывал, на какие мероприятия в нем следует ходить, а на какие - нет. Голова Аллы Сергеевны была покрыта черным шелковым платочком с

кружевами, сапоги оказались на низком каблуке. Значит, она на машине, решила я: вчера Алла мне сообщила, что терпеть не может обувь без каблучков из-за своего маленького роста и надевает ее, только когда сама садится за руль, потому что, пытаясь управлять автомобилем в сапогах на девятисантиметровых каблучках, она уже попала в две аварии, правда, сама не пострадала, только Тарасову пришлось купить ей новые машины. Аллу Сергеевну, похоже, голыми руками не возьмешь... Как, впрочем, и меня.

Вдовушке ни Олег Николаевич, ни тем более Рома ручек не целовали. Рома вообще только буркнул какое-то неразборчивое приветствие, которое могло быть одинаково принято как за «здрасьте», так и за «вот дрянь» и еще кое-какие более крепкие словечки русского народного языка. Я поздоровалась нейтральным тоном, Инна лишь холодно кивнула – как при виде меня вначале, только еще добавила надменности.

Алла же Сергеевна при виде Инны совершила прыжок вперед, словно забыв о присутствии в помещении Олега Николаевича, Ромы и меня. Она забыла даже поздороваться. На этот раз Инна оказалась готова к встрече с вдовушкой и первой схватила хрустальную пепельницу, на которую уже явно положила глаз Алла Сергеевна. Тарасова, не раздумывая, тут же прихватила со стола Олега Николаевича тяжелую офисную папку.

– Оставьте в покое мое имущество! – завопил нотариус, но дамочки уже не обращали на него никакого внимания, кружа по кабинету, словно борцы на ринге или, скорее, две львицы, собравшиеся делить одного самца. Выражения, которыми они осыпали друг друга в процессе, приличные женщины знать не должны. Рома, как я заметила, с трудом сдерживал смех. Он отступил в сторону, к стене, и сложил руки на груди. Олег Николаевич налился гневом, лицо его в этот момент напоминало по цвету морду взбешенного шимпанзе. Я же решила вмешаться, выступив в роли рефери, и прервать бой до первого нокаута – хотя бы потому, что не могла терять лишнее время: меня ждала работа в турфирме.

Чтобы дамочки поняли меня сразу, я схватила первый попавшийся стул, взмахнула им над головой и рывкнула, поясняя свою позицию и предлагая соперницам отложить схватку – по крайней мере до тех пор, пока Олег Николаевич не огласит условия завещания. К моему удивлению, Алла Сергеевна не стала спорить, положила папку на место и посмотрела на меня кротким взглядом спаниеля. Я повернулась к Инне. Та тоже поставила пепельницу на место, правда, в этот момент она больше напоминала бультерьера.

– Присаживайтесь, – усталым тоном сказал Олег Николаевич, кивая на стулья перед своим столом и направляясь к своему обычному месту.

Перед столом нотариуса стояли три стула. Инна быстро заняла крайний справа. Рома предупредительно подхватил тот, которым размахивала я, и тоже поставил его у стола. В результате рассаживания (Рома придержал мне стул и демонстративно отвернулся от Аллы Сергеевны, правда, она уже и так сидела на крайнем слева стуле, бросив «норку» на спинку) я оказалась между вдовой и незаконнорожденным сыном Стаса. Алла Сергеевна украдкой пододвинула свою ногу к моей и легонько на нее наступила, не поворачивая головы. Кружевным черным платочком (уменьшенной копией того, что был на ее голове) она утирала уголки глаз. Вот только слез я почему-то в них не заметила.

– Где ваш сын? – обратился к вдове нотариус, изо всех сил старавшийся говорить нормальным тоном и не повышать голоса. Я ожидала, что он укажет ей на опоздание, но Олег Николаевич эту тему даже не затронул. Судя по всему, он или уже встречался с Аллой Сергеевной, или был о ней наслышан не меньше, чем обо мне и Инне, а то и больше, да и она сама минуту назад наглядно продемонстрировала свои возможности. – Я же, кажется, несколько раз повторил, что Вячеслав Станиславович должен присутствовать на нашей встрече.

Алла Сергеевна заявила, что ее мальчику плохо, у него не все в порядке с нервами, ему вкололи успокоительное и рядом с его постелью дежурит врач. Славочка переживает смерть отца, не то что некоторые, он любил отца, не то что некоторые, для него смерть отца – настоящая трагедия, не то что для некоторых, ну, и так далее, в том же духе. Второй сын, именуемый словом «некоторые», сидел молча, не возражал, не спорил и, кажется, только и ждал, когда прекратится льющийся из Аллы Сергеевны словесный поток, но он все не уменьшался. Поведение Ромы я зачла ему в плюс.

Вмешался Олег Николаевич, которому пришлось говорить в унисон со вдовушкой, правда, она с каждой фразой повышала голос, и вскоре Олег Николаевич понял, что против Аллы Сергеевны ему не потянуть, и замолчал. Инна не проронила ни звука. Я тоже решила воздержаться от комментариев. Осознав, что очередная победа ею одержана, Алла Сергеевна сама вскоре умолкла, опять промокнула глаза платочком, затем внимательно посмотрела на нотариуса и взвизгнула:

– Ну что вы копаетесь?! Сколько можно ждать?! Я не могу терять столько времени! На меня столько всего навалилось! У меня дома больной ребенок! Я даже не говорю о своем горе... – тут Алла Сергеевна демонстративно всхлипнула, снова утерла глаза и начала рассказывать о том, что ей уже пришлось сделать и что еще предстоит. Из ее речи следовало, что во всех ее заботах виноват лично Олег Николаевич.

Затем она снова перешла к здоровью сына (в подробностях) и в очередной раз сравнила своего хорошего мальчика с «некоторыми», не в пользу последних, естественно.

Олегу Николаевичу это все порядком надоело, по его лицу я видела, какие нечеловеческие усилия он прилагает, чтобы не сорваться, но минут через пятнадцать второго сольного выступления Аллы Сергеевны (во время которого на каждую из моих ног кто-то наступал: слева – вдовушка, справа – Рома) Олег Николаевич грохнул кулаком по столу так, что все лежавшие на нем бумаги подпрыгнули, сам нотариус взвыл, отбив кулак, а стол затрясся – и вдруг осел на одну сторону, так как что-то в его конструкции сломалось: он явно не был рассчитан на русский кулак.

Олег Николаевич высказался непечатно относительно финнов, изготовивших стол, не принимая во внимание русский темперамент, который может активно проявиться в кабинете делового человека. Я же посмотрела на стол с другой точки зрения: пожалуй, я не согласилась бы заниматься на нем любовью, что неоднократно делала в юные годы. Инна тем временем высказалась на эту же тему вслух, ни к кому конкретно не обращаясь, сообщив в воздух, что покойный Стас любил использовать столы в этих целях, как, впрочем, и другие места. Ей лично больше всего понравилось на лиане... Я со своим знанием экзотики вступила в дискуссию (про себя вспоминая Афганца и то, что он выделял в Доминиканской Республике), мы с Инной прекрасно поняли друг друга и в конце концов пришли к выводу, что финским столам больше доверять не следует. Не хочется лишних синяков, если он грохнется в самый неподходящий момент. Наша или белорусская мебель гораздо надежнее. Контакт с Инной был установлен, Рома слушал нас с легкой улыбкой на устах, Алла Сергеевна истошно вопила.

Нотариус тем временем пригласил какого-то техника, тот занялся столом под аккомпанемент причитаний Аллы Сергеевны, осознавшей, что нас троих ей не перекричать, и рассказывавшей теперь уже технику о своих несчастьях;

секретарша накапала Олегу Николаевичу корвалол. Замолчав, я тихо сидела в уголке, наблюдая за происходящим. Рома стоял, прислонившись к стене и скрестив руки на груди; рядом с ним стояла Инна, пододвигаясь все ближе и ближе к подростку. Я решила, что мне будет интересно проследить за развитием отношений между ними.

Мы снова смогли сесть за стол только без десяти два.

- Давайте не будем больше терять время, - объявил Олег Николаевич, беря в руки отпечатанные на лазерном принтере листки.

- Так это вы теряете, причем не только свое, но и наше, - заметила Алла Сергеевна.

- Пожалуйста, говорите только о себе, - вставил Рома.

- Тебе, конечно, делать нечего! - взорвалась Алла Сергеевна, поворачиваясь к Роме. - А вот я...

Пожалуй, она собиралась выдать очередную длинную речь, но Олег Николаевич вовремя пообещал ее придушить (уверенный в том, что суд его оправдает после наших свидетельских показаний), если она произнесет еще хоть слово. Лицо импозантного холеного мужчины, которое, как мне казалось, когда я только вошла в кабинет, всегда украшает улыбка (пусть дежурная, но - тем не менее), искадила ярость. Алла Сергеевна же точно знала, когда следует заткнуться, что немедленно и сделала. Инна хмыкнула.

Олег Николаевич, махнув рукой на отсутствие Славы Тарасова, пообещав встретиться с ним лично, объявил нам четверым, что каждый из нас в соответствии с завещанием покойного Станислава Леонидовича Тарасова становится обладателем пакета акций фирмы «Нева-металл». Двадцать пять процентов оставлены Роману Станиславовичу, по десять - Алле Сергеевне, Вячеславу Станиславовичу и моей скромной персоне, пять - Инне Александровне Баймаковой. На всякий случай нотариус сообщил также, что десять процентов «Невы-металл» принадлежат коммерческому директору Вениамину Борисовичу Багловскому, а тридцать - Карташову Алексею Петровичу.

Я произвела в уме нехитрые подсчеты. Кто может с кем объединиться для получения контрольного пакета? Только Рома с Афганцем. Во всех остальных случаях двух человек недостаточно, а договориться троим, например, будет гораздо сложнее... У Аллы с сыном всего двадцать процентов, до контрольного пакета – как до Луны, то есть ей обязательно нужно будет привлечь кого-то на свою сторону. Неизвестно, в каких она отношениях с этим самым Багловским (хотя при объединении их акций все равно получается только тридцать процентов). Я не исключала, что Алла Сергеевна неоднократно демонстрировала свои таланты скандалистки и на заводе, а также проводила воспитательную работу и с коммерческим директором, так что вполне можно ожидать, что с нею он не объединится ни при каких условиях. Поэтому она и желала заполучить меня в компаньонки или просто хотела выяснить, сможет ли она мною управлять? Я также не исключала варианта, что она набивалась мне в подруги с целью втереться в доверие, а потом каким-то образом отобрать у меня акции. Но, пожалуй, отберешь у меня, если я не захочу отдавать!

Знаком ли Багловский с Ромой? Наверное, да, если Рома бывал на заводе отца. Насколько вообще этот шестнадцатилетний мальчик понимает весь расклад? Ведь если он, коммерческий директор и я тоже объединим силы, то у нас получится хоть и не контрольный пакет лакомого куска, оставшегося от Тарасова, но самый большой процент – сорок пять. А если к нам присоединится Инна, получится ровно пятьдесят, но не пятьдесят один! Ну, Тарасов! Ну, Стасик! Вот ведь удружил... Или он сделал это специально и сейчас похихатывает, глядячи на нас с облачка? Хотя, откровенно признаться, я предполагала, что он направился в прямо противоположную сторону и сейчас изнывает от невыносимой жары в другом месте.

В общем, услышав о распределении акций и произведя в уме кое-какие подсчеты, я поняла, что впереди меня ждут веселенькие денечки.

Далее мы были проинформированы Олегом Николаевичем о том, каким образом Тарасов распорядился остальным своим имуществом. Мы с Инной не были учтены при распределении квартиры, дач (их оказалось две), машин (четыре), еще каких-то акций и счетов. Но и за долю в «Неве-металл» – спасибо! Или, наоборот, следует сказать Тарасову: «Ну и гад ты, Стасик, что втравил меня в это дело»? Хотя о мертвых так нельзя.

Меня, правда, интересовал один вопрос, который я хотела бы задать Олегу Николаевичу с глазу на глаз или по крайней мере в отсутствие тарасовских

родственников. Ведь Славе и Роме – по шестнадцать лет. Совершеннолетие у нас, насколько мне известно, наступает в восемнадцать. Жениться и выходить замуж до этого возраста без разрешения родителей нельзя, как и голосовать. А вот как насчет фирмы? Да, кстати, и всего остального имущества? Кто им распоряжается до наступления совершеннолетия наследника? Слава, как я понимаю, полностью доверяет мамочке (да попробуй только не доверь такой – отдача замучает), а вот что с Ромой? У него есть мать (пусть алкоголичка, но тем не менее). Так, значит, ему потребуется ее разрешение на ведение дел? Хотя не исключаю, что Ромина мать подпишет все, что попросит сын, – если он, как говорил мне Стас, давно все решает сам, работает и, возможно, даже содержит родительницу. Никакой доверенности на меня оформлено не было: Стас просто просил меня проследить, чтобы Рома не был обделен и получил все, что отец завещал незаконнорожденному сыну. Или Тарасов все-таки оставил Олегу Николаевичу какой-то документ? Или мне придется ограничиться лишь устными советами и помогать Роме уламывать мать – если возникнет такая необходимость?

Не успела я подумать об этой проблеме, как Олег Николаевич заявил, что сегодня вечером он лично проедет на квартиру Тарасовых, чтобы объяснить Славе его права. (Интересно, сколько Стас отвалил нотариусу за то, чтобы он так бегал?) Алла Сергеевна попыталась встрять, опять разглагольствуя о Славочкином здоровье, а потом плавно перейдя на безапелляционные утверждения, объявив нам, что она намерена вести дела от имени Славочки.

После очередной перепалки, в которой на сей раз активно участвовал и Рома, я узнала, что по нашему законодательству несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным. Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным называется эмансипацией и производится по решению органа опеки и попечительства – с согласия родителей, усыновителей или попечителя либо, при отсутствии такого согласия, по решению суда. Так что Рома после оформления соответствующих документов (и Слава, кстати, тоже) имеет полное право участвовать в работе совета директоров компании «Нева-металл», а также распоряжаться своими акциями, квартирами, машинами и прочим. Ничье разрешение на заключение сделок ему для этого не потребуется. Алла Сергеевна, как законный представитель интересов Славы, имеет право вести дела от его имени, но, если Слава захочет, он сможет принимать самостоятельные решения. А может и выдать доверенность кому-то еще, например, Олегу Николаевичу.

Рома, к моему удивлению, вопросом владел великолепно (Стас проконсультировал? Тарасов обращался к юристу? И все нужные документы уже оформлены? А от меня действительно требуется только совет? Хорошо бы!), Алла Сергеевна, как я поняла, тоже в курсе, а вот насчет Славы я очень сомневалась. Инна в разговоре не участвовала, да ее этот вопрос, по-моему, нисколько и не интересовал.

В разгар бурной дискуссии на столе у Олега Николаевича зазвонил телефон, он послушал, что ему сказали, и повесил трубку.

- Извините, - посмотрел он на нас, - меня ждет следующий клиент.

Алла Сергеевна попыталась было еще что-то выкрикнуть, но Олег Николаевич ее резко пресек, на этот раз напомнив о ее опоздании.

Нотариус демонстративно подал шубу Алле Сергеевне, проводил нас до холла, где висела моя «норка», принадлежавший Инне «песец» и Ромина «аляска», подал шубы мне и Инне, пожал нам всем руки и пригласил заходить. Нам всем еще требовалось оформить документы, а из-за бурных и страстных выступлений Аллы Сергеевны мы не успели сделать то, что могли бы осуществить сегодня. Проводив нас, Олег Николаевич пригласил к себе в кабинет сидевших в холле двух молодых мужиков. Те очень внимательно оглядели телесные достоинства Инны и только мазнули взглядами по мне, Алле Сергеевне и Роме. Я порадовалась, мадам Тарасовой же подобное осматривание не понравилось.

- Ты на машине? - спросила меня Алла Сергеевна, когда мы уже двигались к выходу из нотариальной конторы.

Я кивнула.

- Светлана Алексеевна, а вы не могли бы подвезти меня до метро? - пропел Рома у меня над ухом.

- Я тоже на машине, - встряла Инна.

- Нечего им тебя возить! - взвизгнула Алла Сергеевна. - На троллейбусе доберешься. Или пешком прогуляешься! Молод еще, чтобы...

– А вас никто не спрашивает, глубокоуважаемая Алла Сергеевна, – заметил Рома демонстративно вежливым тоном. – На вашей машине я не поеду, даже если вы мне приплатите.

Рома открыл дверь конторы, так же демонстративно чуть подвинул Аллу Сергеевну в сторонку и предложил мне выйти первой. Инна тоже уступила мне дорогу. Я юркнула вперед, надеясь поскорее вдохнуть свежего воздуха. На улице, как я увидела в большое окно в холле, светило яркое мартовское солнце. Успело выйти из-за туч, пока мы два часа сидели в помещении с окном во двор. Тем временем за моей спиной началась какая-то потасовка, потом Рома с Аллой Сергеевной и Инной, осыпая друг друга «комплиментами», вылетели на морозный воздух, где приступили к рукоприкладству. Я не успела рассмотреть, кто с кем сцепился.

Сама я на мгновение ослепла от яркого света, потом мне показалось, что на нас направили солнечный зайчик... Солнце все-таки слепит не так... Я прищурилась и огляделась, больше всего меня интересовали дома напротив. Внезапно мне показалось, что во втором доме слева солнечный луч скользнул по... линзе? Простого законопослушного гражданина отраженные блики (от чего бы то ни было), конечно, не насторожили бы, но к моей скромной персоне имеются кое-какие претензии со стороны кругов, далеких от законопослушных, поэтому я решила, что лучше перестраховаться и показаться идиоткой прохожим и наследникам, чем потом стынуть в морге.

В этот момент кто-то из сражавшихся за моей спиной (я так и не поняла, кто именно) внезапно сильно подтолкнул меня – и я, еще оттолкнувшись ногами от земли, полетела в направлении проезжей части. Мое опытное и закаленное во многих схватках тело меня не подвело, я смогла затормозить прямо в воздухе и приземлилась на холодный голый асфальт тротуара в том месте, где и планировала, не попав под колеса несущихся мимо автомобилей. Только колготки порвала и коленку разбила. Порадовалась, что хоть льда не было. Пожалела, правда, что и сугробов тоже: у нас их счищают там, где не надо, и не убирают там, где нужно. Но кто же знал, что я тут буду летать в центре города?

Эти мысли пронеслись в сознании с поразительной скоростью – пока я летела, но тут же любые рассуждения мою голову покинули.

Раздался звон разбиваемого стекла – за моим правым плечом (вернее, за тем местом, где мое правое плечо было секунду назад – до полета). За звоном

последовал вопль Ромы, за которым, в свою очередь, прозвучали высказывания мальчика, достойные старого матроса с пиратского судна. Его речь, полная эпитетов, заглушила звук падающего тела. Его я увидела, повернув голову. Правда, к тому времени мой высокоразвитый инстинкт самосохранения уже донес меня до ближайшей машины, стоявшей у края тротуара, чуть правее, за которой я и примостилась, прижимаясь к асфальту. Глазоньки мои, обзревавшие окрестности, полезли из орбит, увидев происходящее у входа в нотариальную контору. Истошно вопила Алла Сергеевна – она уже добровольно рухнула на асфальт в своей норковой шубе, закрывая голову руками, правда, тут же поднялась на четвереньки, доскакала до двери, из которой мы только что вышли (а они с Ромой и Инной успели продвинуться вперед шага на два), но туда не вошла.

Из нотариальной конторы выскочили сотрудники. На тротуаре собиралась толпа, на проезжей части тормозили машины, а я продолжала скрываться за чьей-то «БМВ», правда, уже понимая, что киллер место своей дислокации покинул, сделав три выстрела: один меткий, второй – не очень, третий – можно сказать, в «молоко». Три выстрела – это даже слишком, хотя не исключаю, что ему заказывали четыре. Или все-таки три? Кого-то следовало уберечь? Или приказали убить кого-то одного, а киллер просто сперва «мазал»?

Я сидела на тротуаре, горевала по поводу порванных вдрызг колготок, прикидывая, где тут поблизости смогу купить пару, и вспоминая, чем следует чистить мех. Вроде бы манной крупой? Или это песца? Ладно, дам Косте задание выяснить, все равно ему чистить. И вообще, после покушения люди о другом думают, но это те, на которых в первый раз покушаются, усмехнулась я про себя.

Пора бы подниматься. Но что-то продолжало меня удерживать на асфальте. Невидимая сила, название которой я хорошо знаю: добрый старый инстинкт самосохранения. А вдруг киллер все-таки еще разочек попробует стрельнуть?

Мои глаза тупо уставились на огромное окно нотариальной конторы. Если бы это был магазин, я, наверное, назвала бы его витриной, но тут слово не очень подходило, так как в окне ничего не выставлялось, просто хорошо просматривался холл с диванчиками и шкафом-купе, служившим гардеробом для клиентов.

Но теперь окно не было целым. В правой его части (если смотреть с моей позиции) на уровне головы человека среднего роста (моего) красовалась

небольшая дырочка, вокруг которой кругами треснуло стекло. Происхождение подобной дырочки мне стало быстро понятно: доводилось видеть такое в прошлом – и опять же, в районах тех мест, где оказывалась моя буйная головушка.

Я с опаской посмотрела на «БМВ», за которой пряталась. Не взорвется ли? Хотя это не моя машина, значит, у нее меньше шансов взлететь на воздух.

От этих размышлений меня оторвали знакомые вопли.

Я словно опять включилась в жизнь. Какие-то секунды (или минуты?) я вообще не слышала никаких звуков. Теперь же вокруг меня гудела толпа людей, какая-то сердобольная тетенька даже помогла мне встать, еще одна меня отряхивала, третья причитала, бабулька – божий одуванчик рассказывала, сколько было крови в прошлом месяце, когда убили какого-то бизнесмена, а бабулька тогда тоже оказалась рядом... Она также слышала и о покушениях на какую-то женщину на Петроградской стороне прошлой осенью. У меня язык чесался – представиться, однако я все-таки решила быть поскромнее.

Но бабушку я не особо слушала. Слушала я Аллу Сергеевну с Ромой, чье плечо окрасилось красным. Однако, несмотря на ранение, он участвовал в схватке с Аллой Сергеевной, которая была ниже его на голову, правда, она не пострадала физически. Инна лежала на асфальте, и, судя по ее позе и отсутствию каких-либо движений, я предположила, что помощь госпоже Баймаковой уже не требуется и нет смысла везти ее даже в элитную клинику доктора Авакяна.

Алла Сергеевна и Рома обвиняли друг друга в организации покушения. Собравшийся народ не мог понять, что происходит, кто-то даже попытался было их урезонить, но люди еще не знали, что с Аллой Сергеевной это просто невозможно.

Из нотариальной конторы вылетел Олег Николаевич (подозреваю, что сотрудники сообщили ему о случившемся), оглядел нас всех, остановил взгляд на мне, не обращая внимания на скандаливших Рому и Аллу Сергеевну и лежавшую на асфальте Инну, над которой склонилась секретарша нотариуса, подбежал к моей скромной персоне и окружавшим меня многочисленным теткам и, обращаясь и к гражданам, и ко мне, спросил:

– Что произошло?

Граждане наперебой стали выдавать свои версии случившегося. Послушав их, я с удивлением узнала о чеченском теракте, бандитских разборках, дележе рынка нефтяными королями, а также о стрельбе из автомата, гранатомета, о взрыве бомбы (какая бомба?!) и вообще о подготовке киллеров из рядов бывших спецназовцев, которая проводится на какой-то заброшенной армейской базе в Ленобласти, о чем поведала всезнающая бабка, с большим энтузиазмом просвещавшая граждан на тему организации покушений.

Олег Николаевич немного послушал народные новости, затем опять внимательно посмотрел на меня и спросил, обращаясь уже только к моей персоне:

– С вами все в порядке, Светлана Алексеевна?

Я кивнула.

– Пойдемте в офис. Сейчас приедет милиция.

«Вот только радостной встречи с блюстителями порядка, которые не могут его соблюсти, мне и не хватало!»

«Скорая», правда, приехала раньше, Инну закрыли каким-то покрывалом, найденным в нотариальной конторе, а Роме оказали первую помощь. Он категорически отказался ехать в больницу, заявив, что ему сейчас некогда по больницам лежать, так как у него всякие организаторши покушений отнимают наследство, а в больнице они могут запросто организовать ему какой-нибудь хитрый укол, в результате чего биться за наследство станет уже некому.

У врача от таких откровений глаза полезли на лоб, но работу свою он выполнил, а я восхитилась Ромой, не проронившим ни звука, когда у него из плеча извлекали пулю. Парню явно было больно, но он мужественно терпел. Я подумала, что в дальнейшем стоит все-таки показать его доктору Авакяну, имеющему большой опыт излечения пулевых ранений.

Мы с Аллой Сергеевной сидели на разных диванчиках в холле. На окна теперь опустили жалюзи. Я позвонила по сотовому Сереге Стандецкому и вкратце рассказала о развитии событий. Он сказал, что лично появится на месте происшествия. Затем я позвонила в фирму и предупредила девочек, что немного задержусь. Причину пояснять не стала: девочки у меня впечатлительные и очень переживают, когда на меня совершаются покушения, к которым они могли бы уже и привыкнуть.

Костю я решила не беспокоить, чтобы не пришлось ехать домой отпаивать его корвалолом (братец у меня еще более впечатлительный, чем девочки в фирме), и набрала Веркин домашний. К моей великой радости, она уже проснулась, выслушала меня, позевывая, сказала, что я вообще – ведьма и меня может взять только заговоренная серебряная пуля, о чем бедные киллеры даже не подозревают, в связи с чем лишаются обещанных гонораров, а то и жизнью со свободой, но пообещала заехать вечером. Однако моя подружка меня все-таки любит, так как перед тем, как я отключила связь, Верка сказала с беспокойством:

– Ты уж давай поосторожнее, Ланка! Может, откажешься от наследства-то? На черта оно тебе сдалось?

– Да мне оно на фиг не нужно! – рявкнула я и сбавила громкость, чтобы господа, находившиеся в нотариальной конторе, не слушали мои беседы по телефону. – Но это Тарасов постарался! А я слово дала, что не дам Ромку в обиду!

– Вот и не давай. Только больше ни во что не лезь!

Я и не лезла. Только почему-то кто-то другой думает иначе.

Милиция прибыла через двадцать минут и сразу принялась проявлять бурную деятельность.

Толпу зевак перед зданием разогнали, да большинство людей и сами разошлись: поняли, что все интересное уже закончилось, а труп, закрытый покрывалом на тротуаре, особого интереса для наших граждан давно не представляет, как и простреленные окна. Специалисты изучали отверстие в стекле, что-то измеряли, какие-то мужики, как я видела со своего диванчика (жалюзи опять подняли), еще что-то измеряли на улице, но больше спорили, размахивая руками и что-то

доказывая друг другу. В общем, вели себя, как и обычно действуют наши мужики, занимающиеся каким бы то ни было делом. Их специальность, место работы или службы на манеру их поведения не влияют.

Аллу Сергеевну, меня и Рому допросили по очереди, также представители органов пообщались и с Олегом Николаевичем. Рома и Алла Сергеевна опять вопили на всю нотариальную контору, обвиняя друг друга в организации покушения на соперника и требуя посадить конкурента в тюрьму. Правда, как мне показалось, допрашивавшие их представители органов не очень-то им верили. А вообще-то, интересно было бы узнать, к какой версии склоняется родная милиция? Мне уделили меньше всего внимания.

Я же все время нахождения в нотариальной конторе размышляла: могла ли Алла Сергеевна в самом деле организовать покушение на Рому и Инну? И на меня, кстати!

Когда следователь, записывавший мои показания, куда-то отошел, велел мне пока не уходить, я попыталась точно воспроизвести по памяти, что же произошло, когда мы вышли из конторы.

Я вспомнила какой-то блик, ослепивший меня. Еще я видела какой-то странный отблеск в доме напротив или дальше – во втором слева, пожалуй. Если я все правильно помню... Оптический прицел? Но не мог же он на нас отсвечивать? Он же находился на удалении. Пожалуй, все-таки кто-то постарался специально нас ослепить, особым образом направляя зеркало, ну, или какой-то специальный механизм. Всех нас или меня? Или первого выходящего, которым оказалась моя скромная персона? Но нас явно ждали. А потом... Потом меня толкнули вперед. Случайно? Или нет?

Но тогда – зачем? И кто?

Я шла первой, Рома с Аллой Сергеевной и Инной ругались за моей спиной, я их заслоняла. Тот из них, кто знал, что покушение должно произойти в ближайшую минуту, не желал, чтобы я погибла. Или я о них слишком хорошо думаю? Преступник хотел избавиться от более серьезного конкурента, чем я, а я мешала, заслоняя намеченную жертву. Поэтому меня и толкнули в порыве псевдоблагородства. Но вот кто из двоих?

Если я узнаю ответ на этот вопрос, то пойму и кто организовал покушение.

Хотя...

Инна убита, вторая пуля вошла в плечо Роме, я увернулась благодаря своей великолепной реакции (а не только тому, что меня толкнули), Алла Сергеевна не пострадала вообще.

Значит, Алла Сергеевна? Или все-таки Рома – для отвода глаз? Кто ж знает этого мальчика... если он настолько самостоятельный, как утверждал Стас, и шибко интересовался производством, как говорила Алла Сергеевна. Но все-таки нанять киллера – это вам не в игрушки на компьютере играть.

Или его нанял кто-то третий? А меня все же толкнули случайно, и я должна еще сказать спасибо?

В результате этих раздумий я решила, что следует по отдельности поговорить и с Аллой Сергеевной, и с Ромой и выяснить подробности их схватки перед дверьми нотариальной конторы. С бедной Инной мне говорить уже не придется никогда.

И не исключено, что в беседе с глазу на глаз Рома скажет мне что-то интересное. Например, открытым текстом предложит объединить наши акции. Или еще что-то... Теперь я уже ничему не удивлюсь.

Хотя зачем Роме убивать меня? Отец рассказывал ему обо мне, и у него не должно быть оснований мне не верить и сомневаться, что я не выполню волю Стаса.

Я все-таки склонялась к версии, что это инициатива Аллы Сергеевны, устраняющей конкурентов.

Сидя в одиночестве на диванчике и глядя на входную дверь, я первой заметила прибытие моего старого доброго знакомого Сереги с мужиком лет сорока в штатском. Коренастенький, пузатенький, с проклевывающейся лысиной и редкими рыжими волосами, он чем-то напоминал гриб боровик со щечками-яблочками. Быстро оглядев контору, Серега направился ко мне, а гриб боровик

побежал куда-то в глубь офиса и принялся за выяснение обстановки.

- Это майор Сидорчук, - шепотом сообщил Серега, обнимая меня за плечи.

Мы тут что, должны изображать влюбленную пару? Сережа показывает, что примчался оказать мне моральную поддержку? Или майор Сидорчук состоит на дотации у фирмы Лешки Афганца? А Серега отвечает в фирме за связи с органами правопорядка?

- Кто он такой? - уточнила я у Станецкого, чтобы быть в курсе.

- Ну, я же тебе вчера рассказывал! - воскликнул Серега. - Занимался в последнее время Тарасовым и исчезнувшими бабами. Мужик нормальный. Когда ты позвонила, я тут же с ним связался. Это же не его район, кто бы стал ему сообщать? А мне почему бы не оказать ему услугу? А вдруг потом и он нам поможет?

Майор отсутствовал минут двадцать, потом вернулся и подсел к нам с Серегой. Алла Сергеевна метнула в нашу сторону взгляд-молнию, Рома просто посмотрел с любопытством, но им обоим было некогда увлекаться нашей беседой, так как ими самими опять заинтересовались представители органов - по одному на брата (или сестру).

Я же была допрошена майором, который беседовал со мной тихо, так что его коллеги ничего не слышали. Серега на протяжении всего разговора молчал, только слушал, не выдал ни одного комментария, но руку с моего плеча не снял. И надолго она там останется? Я опять отметила про себя, что Серега ведет себя со мной гораздо увереннее, чем осенью.

Я во второй раз рассказала о встрече с наследниками в кабинете Олега Николаевича, а потом о выходе из конторы, правда, собственными соображениями не делилась.

Тут наша милая беседа была прервана появлением еще одного представителя органов, услышав громоподобный голос которого все присутствующие аж вздрогнули. Судя по размеру пуза и насыщенности физиономии красным цветом, этот милицейский чин должен был быть в звании не ниже полковника.

Первой очухалась Алла Сергеевна и завопила в своем обычном стиле. Из ее речи я поняла, что последний прибывший появлялся на месте убийства Тарасова, разговаривал с вдовушкой дома и нарушал там тишину, необходимую бедному Славочке, сыну Аллы, пережившему нервное потрясение. О своих нервах вдовушке даже говорить не хотелось.

– А по делу что скажете, Алла Сергеевна? – невозмутимо обратился к ней дядя милиционер, потом бегло посмотрел на Рому и на меня. – В кого на этот раз стреляли? В вас? В них? – мужчина кивнул на нас с Ромой. – Или во всех сразу? Четко, по-военному, ответить можете?

Алла Сергеевна не нашлась что сказать, а пока она сидела, раскрыв рот, вновь прибывший от нее отвернулся, выслушал отчет допрашивавших нас сотрудников, задал пару вопросов Роме, потом мне, по ходу дела уточнив, кто такой Сергей.

– Спутник жизни, – ответил тот, не дав мне раскрыть рот. – Не мог бросить женщину в такую минуту.

Но я все равно рот раскрыла – хотя бы из духа противоречия – и добавила:

– Перспективный спутник. Или потенциальный.

Мужик с громоподобным голосом усмехнулся в усы, попросил Сидорчука отойти в сторону, о чем-то с ним пошушукался, а затем обратился к нам всем сразу:

– А сейчас, голуби, давайте-ка повторим ваш выход из конторы. Кто за кем шел, кто что говорил. Давайте, к выходу!

Услышав это предложение, Алла Сергеевна завопила, причем так, что могла бы посоревноваться с милицейской сиреной или даже с сиреной гражданской обороны, оповещающей о начале бомбежки. Сновавшие по нотариальной конторе представители органов, за исключением уже встречавшегося с Аллой Сергеевной мента, резко дернулись, однако в скором времени вернулись к своим занятиям. Вновь прибывший, представившийся майором Федоровым (все-таки не полковник? С другой стороны, если он ездил к Алле Сергеевне домой...), снова повторил задание и, не обращая внимания на вопли Аллы Сергеевны, повел нас с Ромой к двери. Серега с Сидорчуком остались на диване. Мадам Тарасовой

ничего не оставалось, как последовать за нами. Я сделала для себя вывод: чтобы прекратить ее представление, надо просто не обращать на нее внимания. У Федорова это получалось очень здорово.

Мы с Ромой сказали одно и то же относительно порядка нашего выхода из конторы, затем Федоров заинтересовался происшедшим на улице. Алла Сергеевна утверждала, что Рома применил к ней насилие. Рома, в свою очередь, заявлял, что «эта фурия» так на него набросилась, что он просто не знал, как ей противостоять.

– А как Светлана Алексеевна оказалась на асфальте чуть ли не у самой проезжей части? – спросил Федоров.

Вопрос был обращен ко мне, но я не желала рассказывать о своем высокоразвитом инстинкте самосохранения и выдавать представителю органов свои соображения насчет солнечных зайчиков и линз оптических прицелов, поэтому заявила, что меня кто-то случайно толкнул сзади. Поскольку глаз у меня на спине нет, кто именно, утверждать не могу.

– Вот этот молодой нахал тебя толкнул, – сообщила Алла Сергеевна, кивая на Рому. – Меня пытался избить и тебя тоже хотел изувечить, отбросив под колеса автомобилей. Я все видела! Если бы не киллер, мы бы с тобой, Лана, сейчас уже лежали бы в травматологии! Так что мы должны быть благодарны киллеру. Жаль только, что он этого молодого негодника не пристрелил. Вот Инночку жалко! Молодая девушка, вся жизнь впереди... – Алла Сергеевна замолкла на секунду, а потом своим визгливым голосом заявила, обращаясь к майору, слушавшему вдовушку с большим интересом: – Я теперь понимаю, какой у этого молодого мерзавца был план... Лану он кинул под колеса автомобилей, но ты, Лана, молодец, сумела сгруппироваться или как там это называется... А киллер, нанятый этим негодяем, должен был убить меня... Меня и Инну. Все продумано! Все заранее продумано! Но правильно гласит народная мудрость: не рой другому яму. И пуля досталась заказчику. Так тебе и надо!

И Алла Сергеевна с ненавистью посмотрела на Рому. Но тот в долгу не остался и заявил, что меня толкнула Алла Сергеевна, которая, несмотря на свой рост и хрупкое телосложение, обладает недюжинной силой и в состоянии бетонные столбы передвигать вместо крана-грузовика, а она всю жизнь придуривается. По мнению Ромы, именно Алла Сергеевна намеревалась отправить пасынка, любимую женщину и друга (подругу?) ее мужа в травматологию или – скорее

всего – к патологоанатому. Рома еще немного пораспространялся о талантах Аллы Сергеевны в плане нанесения увечий бедным людям, даже не подозревающим о ее богатырской силе, но был прерван «мачехой»:

– Если не ошибаюсь, деточка, ты недавно утверждал, что это я киллера наняла, чтобы вас с Инной и Ланой тут пристрелить? Нестыковочка получается, дорогой! Зачем же мне с моими талантами нанимать киллера, если я, судя по тому, что ты тут говоришь, сама в состоянии вам всем троим шею свернуть одной левой? Зачем мне киллер?

Я ждала, что эти двое теперь переведут стрелки на меня – по логике вещей, именно так и должно было случиться. Но это – по логике. Рома с Аллой Сергеевной так ненавидели друг друга, что были готовы объединиться с кем угодно против соперника и принять любую, самую бредовую версию, лишь бы очернить врага.

Федоров и два лица в штатском, мне не представившиеся, слушали их перепалку весьма внимательно, что-то прикидывая, правда, мыслями своими с нами не делились.

Примерно через полчаса, в течение которых мы раза три выходили из нотариальной конторы, пытаюсь воспроизвести процесс (Алла Сергеевна с Ромой все разы были готовы воспроизводить и рукоприкладство, только представители органов их сдерживали), нас всех отпустили.

Перед этим радостным событием Федоров отвел меня в сторону и заметил:

– Вы бы поосторожнее, Светлана Алексеевна, а то, не ровен час, какая-то пуля все-таки вас достанет. Или машина взорвется – с вами внутри. Что-то вы имеете склонность появляться не в том месте и не в тот час...

Глядел он на меня, многозначительно прищурившись, так что я, молча кивнув, сделала вывод о том, что господин Федоров знает о моих прошлых подвигах.

Радовало одно: ко мне в сумочку никто не заглянул.

* * *

Чтобы не вступать в очередную перепалку и все-таки не испортить отношения с мадам Тарасовой (она может еще пригодиться), я Рому в свою машину не посадила, попрощалась с обоими родственничками перед дверьми нотариальной конторы и отправилась в ближайший переулок, где оставила свой новый «Пассат», двойник взорвавшегося осенью. К счастью, машина Аллы Сергеевны стояла у края тротуара почти напротив нотариальной конторы, так что нам с ней по пути к нашим автомобилям беседовать не пришлось. Доставить Рому до дома пообещали майор Сидорчук на пару с Серегой, чей кроваво-красный «Ниссан Патрол» стоял за моим «Пассатом». Я никаких комментариев по этому поводу не высказала, а про себя подумала, что Рому с его двадцатью пятью процентами акций, наверное, постараются хорошенько обработать. Но я с ним свяжусь, когда никого из этой кофлы рядом не будет.

Интересно все-таки, какое соглашение заключили Сидорчук с Афганцем, сейчас представляемым Серегой Станецким? И что они вообще намерены предпринять в плане «Невы-металл»? Занятая этими любопытными мыслями, я добралась до своей турфирмы, по пути купив колготки, и напряженно трудилась до вечера.

Брат с сыном об очередном покушении на меня узнали из теленовостей, но истерику брата я пресекла в зародыше, а восторги сына поумерила, заявив, что я, скорее всего, продам доставшиеся мне акции, от которых, по-моему, предполагается одна лишь головная боль. Про себя я добавила, что продам их, скорее всего, Афганцу, чтобы зуб, который он на меня точит, хотя бы стал менее острым.

Глава 5

19 марта, пятница

Следующая моя встреча с наследниками произошла уже в пятницу, в офисе «Невы-металл», куда меня пригласил прибыть Серега от имени Афганца, по всей вероятности так и не желающего со мной разговаривать. Или Серега курирует завод, являясь представителем Алексея Петровича? Лешка же не может на всех своих предприятиях находиться одновременно и глубоко вникать в суть каждого процесса. Он, так сказать, осуществляет общее руководство империей.

Направляясь на завод, где никогда раньше не появлялась, я прикидывала: сразу предложить Лешке (или Сереге как его представителю) свои акции или подождать? Также хотелось узнать, хочет ли Алла Сергеевна и теперь видеть меня в роли консультанта? Она же, как я понимаю, надеялась получить контрольный пакет, а Тарасов оставил ей столько, сколько и мне. Не начнется ли наша сегодняшняя встреча пробой ногтей на крепость? И мне еще следует встретиться с Ромой без свидетелей... Хотелось бы, конечно, и узнать, чего Тарасов хотел добиться, оставив такое завещание.

В общем, я гордо вынесла себя из «Пассата», который поставила недалеко от главной проходной, и направилась ко входу. Серегин кроваво-красный «Ниссан Патрол» стоял ближе всех машин к дверям. В холле перед «вертушкой» болтались двое молодцев в камуфляже, со стволами на боках. Взглянув в мою сторону, они глаз отводить не стали, наоборот, их зафиксировали, потом расплылись в улыбках и молвили:

– Здравствуйте, Светлана Алексеевна! Добро пожаловать.

– Здравствуйте, – проблеяла я, прикидывая, откуда эти двое меня знают. Я лично их не помнила. Или им специально заранее продемонстрировали мои фотографии, чтобы морально настроить на встречу?

Один из молодцев уже связывался с кем-то по рации, докладывая о моем прибытии. Меня с таким почетом еще нигде не встречали! Не успела я об этом подумать, как из двери, расположенной в том же холле, но уже за «вертушкой» (кстати, в будке сидел традиционный дедок, правда, поджарый и с очень цепким взглядом, которым он и рассматривал меня с нескрываемым интересом), выскочили еще два типа в камуфляже (двойники прогуливавшихся в холле), быстро проскочили «вертушку», замерли передо мной, как лист перед травой, тоже поздоровались, называя по имени-отчеству, и объявили, что проводят меня в директорский кабинет.

– Спасибо, – пропела я.

Молодые люди проявляли чудеса вежливости и всячески демонстрировали свою воспитанность: двери передо мной открывали, вперед пропускали, о попадающих на пути ступеньках предупреждали... Я было задумалась о том, где они получили такую подготовку в общении с гостями производства, а потом

решила, что линию поведения им подсказал все тот же старый добрый инстинкт самосохранения – желают молодые люди остаться на своих непыльных рабочих местах (им тут, пожалуй, не приходится рисковать жизнью – кто станет устраивать набеги на гвоздевое производство?), а поэтому они пытаются всячески умяснить новую совладелицу. Не исключаю, что они знают о моих прошлых отношениях с Афганцем, а также еще кое про какие мои подвиги – в особенности если служба безопасности укомплектована людьми Алексея Петровича, решившего активно вкладывать средства в легальный бизнес.

В общем, в результате некоторых раздумий я пришла к выводу, что мне просто приятно ощущать себя хозяйкой еще и гвоздевого производства и следует наслаждаться благами жизни, пока они есть.

Я мальчикам улыбалась, стараясь установить дружеский контакт и всячески показывая им свое расположение.

Путь от проходной до директорского кабинета отнял минут пятнадцать. Я, честно признаться, не представляла, что завод такой большой, хотя вроде бы Тарасов вскользь упоминал, что он в свое время приватизировал (правильнее будет сказать: прихватизировал) какое-то дышавшее на ладан предприятие, а затем превратил его в прибыльное производство. Вот только как ему удалось удержать шестьдесят процентов акций, когда у Афганца было только тридцать, оставалось тайной за семью печатями. Но я решила пока не ломать над этим голову: и так проблем хватает.

В приемной сидела очень симпатичная девушка, резко вскочившая при нашем появлении. Сдав меня ей, так сказать, с рук на руки, парни удалились. Я одарила их обворожительной улыбкой и повернулась к девушке.

Она показалась мне несколько испуганной: заикаясь, пролепетала приветствие, затем неловко выскочила из-за своего стола, но зацепилась за что-то чулком, порвала его, расстроилась, не знала, куда смотреть и что делать, и просто заметалась по приемной. У нее на глаза навернулись слезы.

– Да что вы так волнуетесь?! – воскликнула я. Девушку мне почему-то стало жаль.

А она продолжала бормотать извинения, случайно задела локтем за стопку больших синих офисных папок, лежавших на соседнем столе, и они с грохотом рухнули на пол. Девушка разрыдалась в голос. Я почувствовала себя несколько неловко. Первым моим желанием было собрать папки, к чему я и приступила. Секретарша стала мне помогать, на этот раз бормоча «спасибо».

За этим занятием нас и застала Алла Сергеевна, доставленная в приемную теми же молодцами. Взглянув на часы, я, признаться, удивилась. Немного уже узнав Аллу Сергеевну, я не ожидала, что она появится так рано.

– А, королева красоты опять крушит хозяйское имущество, ну-ну, – молвила Алла Сергеевна вместо приветствия, глянула на меня и сказала: – Здравствуй, Лана.

Девушка так запугана мадам Тарасовой, что и при виде меня у нее начали трястись руки? А руки у секретарши определенно тряслись, как я успела заметить. К тому же у нее еще подрагивала губа, а слезы лились из глаз сплошным потоком, размазывая тушь. Но даже в таком состоянии девушка была очень красива. С некоторым удивлением я отметила ее внешнее сходство с Инной. Вкус усопшего Тарасова? И Алла Сергеевна небезосновательно предполагала, что секретарша нужна Стасу не только для подготовки бумаг и отправки факсов? Хотя эта девушка могла бы служить достойным лицом фирмы.

– Знаешь, где Тарасов ее нашел? – обратилась ко мне Алла Сергеевна, надменно кивая на секретаршу, и сама ответила: – На конкурсе красоты! Есть такой конкурс для секретарей-референтов, вернее, для тех, кто хочет в них пробиться. Бизнесмены там себе подбирают кадры. Но это похотливые самцы, а по мне, так лучше бы взять женщину лет пятидесяти, которая думала бы только о работе и держалась за свое место, а не крутила хвостом. Ты же, Лана, себе сотрудниц не на конкурсах красоты выбираешь?

Тут девушка не выдержала, возможно, поняла, что вдова ее на работе все равно не оставит, и решила напоследок излить душу. Не исключаю, что Алла Сергеевна не в первый раз высказывала ей свое мнение.

В результате страстного выступления секретарши я узнала, что она работала на Тарасова по десять-двенадцать часов в день и с большой радостью выполняла бы только непосредственно секретарские обязанности, но таких секретарских должностей просто не бывает в тех местах, где платят деньги, на которые

можно жить! А у девушки, которую звали Вика, на шее безработная мама и младший брат-школьник. Так что ей приходилось терпеть Тарасова со всеми его выкрутасами, хотя она и мечтала работать секретарем у женщины, но бизнес-леди – явление редкое, и с внешностью Вики ее, скорее всего, женщина к себе не возьмет, так что снова придется идти к какому-то похотливому самцу – в определении мужчин и Вика, и Алла Сергеевна оказались единодушны.

– Да я вашего мужа в гробу видала и в белых тапочках! – закончила свое гневное выступление Вика.

– Завтра увидишь, – совершенно спокойным тоном сказала Алла Сергеевна. – На похороны придешь?

– Ой! – Вика закрыла рот рукой, осознав, что она только что выдала. – Ой, простите! Я не хотела! Ой, ведь Станислав Леонидович в самом деле...

Вика хотела пролепетать что-то еще, но Алла Сергеевна явно любила ковать железо, пока горячо. Для начала она заявила Вике, что, учитывая такое отношение Вики к мужчинам, она оставляет ее на работе, тем более что Вика в курсе дел фирмы и окажет Алле Сергеевне неоценимое содействие, затем посмотрела на меня и уточнила, не против ли я. Я сказала, что только за. Вика принялась нас благодарить, причем с таким рвением, что я уже опасалась, что она начнет целовать нам (или, по крайней мере, Алле Сергеевне) руки, а то и ноги, но Алла Сергеевна этот благородный порыв пресекла, пока он не был осуществлен, уточнила, сколько платил Вике Тарасов, ухмыльнулась, услышав сумму, но сказала, что оставит ее в полном объеме, если Вика будет служить верой и правдой самой Алле Сергеевне.

– Да, да, конечно, – залепетала Вика. – Спасибо, спасибо вам большое!

Но у Аллы Сергеевны на языке вертелся совсем другой вопрос, а именно: где Станислав Леонидович обычно держал верхнюю одежду?

– Ой! – Вика опять закрыла рот ладонью, пожалуй подумав о том же, о чем и я: ведь крохотное взрывное устройство вполне могли прикрепить к пальто, пока оно находилось в этом офисе.

От секретарши мы выяснили, что шеф всегда вешал свою одежду в шкаф-купе, стоявший у него в кабинете. Мы тут же выразили желание его осмотреть, но Вика шепотом сообщила, что там (кивок в сторону обитой черной кожей двери) сейчас сидят господин Багловский, покинувший больницу, Рома Тарасов и Сергей Станецкий, являющийся представителем держателя тридцати процентов акций и начальником службы безопасности «Невы-металл».

«Серегу так повысили? – подумала я. – Он почувствовал власть, и поэтому в его поведении прибавилось уверенности?» Если не ошибаюсь, в девяностые годы он начинал простым «быком», или как они там называются в бандитской иерархии. А теперь, значит, возглавил службу безопасности и курирует завод от Лешкиного имени? В общем, мне стало ясно, почему Серега теперь держится не так, как раньше.

– Значит, совещаются? – прошипела Алла Сергеевна, удивительно напоминая в этот момент кобру. – Ну-ну...

Она задумалась на мгновение и дала Вике задание – составить список всех лиц, заходивших в кабинет Станислава Леонидовича в понедельник и во вторник с утра (машина взорвалась днем, когда он ехал на какую-то встречу в ресторане, где собирался обедать), а также всех, кто появлялся в кабинете каждый день. Тут я решила высказать свое мнение (и показать свое рвение в расследовании смерти Стаса) и заметила, что нам неплохо было бы выяснить, с кем Тарасов встречался на прошлой неделе (пусть и не на заводе), и вообще, чем он занимался. Для начала нам нужен мотив, не так ли?

Алла Сергеевна похвалила меня за сообразительность, мое задание подтвердила и расширила, высказав пожелание узнать, с кем Тарасов вообще вел переговоры на протяжении всего последнего месяца. Ее интересовали основные вопросы, им обсуждавшиеся. Как я поняла, Алла Сергеевна была далека от деталей бизнеса мужа (занимаясь лишь выбиванием долгов), ничего не смыслила в производстве, совладелицами которого мы стали, и занимала себя слежением за пассиями Тарасова, а не его деловыми партнерами, не составлявшими ей конкуренции.

– Работай, Вика, – сказала Алла Сергеевна, потрепала девушку по щеке и первой двинулась к кабинету. Я последовала за ней.

Войдя в просторное помещение (площадью в две приемных, по всей вероятности, оставшееся от директора советских времен, когда площади все были народными и не приходилось высчитывать стоимость каждого метра), мы увидели Рому, восседавшего в директорском кресле, Серегу, расположившегося строго напротив, и мужчину лет шестидесяти с усталым лицом, сидевшего у стола переговоров на двадцать мест, который был приставлен к директорскому.

– Как всегда – с опозданием, – вместо приветствия сморщился Рома, глядя на Аллу Сергеевну, затем перевел взгляд на меня: – Здравствуйте, Светлана Алексеевна. Это она вас задержала? Вы-то, как я знаю, никогда не опаздываете, даже на свидание с женщиной.

«Это Сереженька, что ли, его просветил?» Правда, от комментариев вслух я воздержалась. Следовало послушать, что нам скажут дальше.

Багловский, с которым мне раньше встречаться не доводилось (но раз секретарша сказала, что это он тут сидит, я не сомневалась, что знакомлюсь с коммерческим директором и еще одним совладельцем), тем временем тяжело поднялся из-за стола, обошел его и склонился над ручкой Аллы Сергеевны. Вместо слов приветствия он стал жаловаться на здоровье. Но составить достойную конкуренцию Алле Сергеевне не смог: она тут же поведала собравшимся о своих болячках, которых набралось столько, что я удивилась, как она до сих пор жива.

Разговоры о болезнях меня никогда не интересовали, даже когда у меня самой что-то болело (я всегда мечтала быть молодой и здоровой), так что я прямо направилась к столу, мимоходом кивнув Сереге. Багловский очнулся, потрусил за мной, представился мне – в спину, но стул придержал. Рома не удосужился встать с директорского места.

Я на него не претендовала и устроилась за столом переговоров, напротив занимаемого Багловским места, куда и проследовал Вениамин Борисович. Серега задницу от стула так и не оторвал и пока что не сказал ни слова. Алла же Сергеевна не собиралась отдавать бразды правления в Ромины руки, так что вознамерилась учинить драку, которой, не сговариваясь, решили воспрепятствовать мы с Багловским. Вениамин Борисович предложил нам всем сесть за стол переговоров и оставить директорское кресло пустым. Алла Сергеевна и Рома с этим не желали соглашаться. Я же оглядела помещение и увидела у противоположной стены широкий кожаный диванчик (его

предназначение в кабинете любвеобильного Тарасова у меня не вызвало сомнений). Перед ним стоял низкий длинный столик. Еще в одном углу находились два больших кожаных кресла, перед которыми тоже стоял столик, на этот раз крошечный и со стеклянной поверхностью. Я предложила подтянуть кресла к диванчику и устроиться там. Серега на протяжении всей дискуссии молчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/zhukova-gladkova_mariya/syschica-po-amurnym-delam

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)